

Жизнь на пути всех зол

взгляд на историю
Румынии и Молдавии

Ein Diebenbürger Wallach der sich berathschlägt.

Сергей Демьянов

Сергей Демьянов

**Жизнь на пути всех зол. Взгляд
на историю Румынии и Молдавии**

«Издательские решения»

Демьянов С.

Жизнь на пути всех зол. Взгляд на историю Румынии и Молдавии /
С. Демьянов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836458-7

Я писал о судьбе народа, у которого имелось множество причин сгинуть. Но он выжил. И сотворил самую загадочную революцию нашего времени. Вдохновил массовую культуру на создание одного из самых зловещих ее героев. Создал странный эпос, прославляющий покорность судьбе. Автора этих строк угораздило проникнуться к румынам симпатией, так что я постарался написать о них красиво и увлекательно. Но и объективно, насколько это возможно.

ISBN 978-5-44-836458-7

© Демьянов С.
© Издательские решения

Содержание

Румынская геополитика	6
Римское завоевание	7
Дальний рубеж цивилизации	9
Возвращение в доисторическую эпоху	11
Навыки выживания	13
Славяне, римские беженцы и христианство	16
В тылу империй	21
Славянское господство	23
Православие и заря новой цивилизации	25
Почему румыны романский народ	28
Венгры меняют свою судьбу благодаря преобразению Европы	31
Конечная остановка на пути кочевников	34
Дальняя окраина Западной Европы	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Жизнь на пути всех зол

Взгляд на историю Румынии и Молдавии

Сергей Демьянов

*Нет, меня не интересуют румыны. Мне наскучило слушать
только о трагедиях и несчастьях.*

М. Элиаде «Ночь на Ивана Купала»

© Сергей Демьянов, 2017

ISBN 978-5-4483-6458-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Румынская геополитика

Есть лишь немного счастливых народов, которые могли творить свою историю исходя преимущественно из собственных потребностей и идеалов, не замечая или преодолевая без излишних усилий неблагоприятные внешние обстоятельства. Подавляющее большинство наций живет на бойких перекрестках, и им приходится общаться с соседями слишком тесно. До сих пор такое общение почти всегда оборачивалось борьбой, которая очень часто становилась основным смыслом существования народов.

В зависимости от наносимых извне ударов и способности обороняющихся отражать их, у народов есть три возможных пути – гибель, сопротивление или приспособление. Путь, по которому история заставляла следовать ту или иную нацию определял очень многое в ее характере, а значит и в той судьбе, которую она создавала себе сама, когда получала такую возможность.

Места, где расположены нынешние Румыния и Молдавия, находятся на одном из самых ужасных геополитических перекрестков мира. Здесь, у южного входа из Евразии на Европейский полуостров пересекаются два древних пути: один связывает дикие и негостеприимные глубины материка с Западной Европой, другой ведет из лесов Севера к теплым берегам Средиземного моря. На их пути лежит страна, образованная тремя областями, примыкающими к юго-восточной дуге Карпат с юга, востока и северо-запада.

Множество сходящихся из разных концов громадного континента удобных путей сообщения (ровная степь, крупные реки, море) и небольшие размеры делают страну уязвимой для нападения. Конечно, логично предположить, что удобные коммуникации могут играть благоприятную роль, способствуя развитию экономических и культурных связей. Да, эти дороги имели и такое значение, иногда принося в Румынию из других стран богатство и культуру. Однако дело в том, что в суровой и полудикой внутренней части Евразии, в которую входит (пусть даже и находясь на окраине) Румыния, историю, как правило, творили свирепые завоеватели, грабители, фанатики, деспоты и бюрократы, а отнюдь не промышленники, торговцы, ученые и люди искусства.

Небольшая и подверженная нападениям со всех направлений страна не располагает стратегической глубиной для того, чтобы в течение долгого времени отступать, продолжая при этом борьбу. Зато есть, где спрятаться и пересидеть трудные времена, – в горах множество укромных долин с относительно благоприятным климатом, равнины раньше были покрыты непроходимыми лесами. Такие глухие и уединенные природные убежища, разумеется, не предоставляли их обитателям достаточных ресурсов для создания развитой экономики, сильного государства, высокой культуры, но могли обеспечить базовые человеческие потребности. Население гор и лесов имело возможность вести тихое, примитивное существование, наблюдая из своих укромных уголков за народами и государствами, сражающимися за господство над их страной.

Римское завоевание

Однако первый из населявших эту местность народов, о котором имеются внятные исторические свидетельства, вел себя по-другому. Описания племен даков и гетов, оставленные греческими и римскими историками, рисуют нам мрачно-романтический образ людей свободолюбивых, мужественных, воинственных, жестоких и неудержимых в своих страстях. Готовых при любых обстоятельствах сражаться до последнего и умереть свободными. А еще очень пессимистических – считающих похороны одним из лучших праздников, когда за человека можно порадоваться, что он, наконец, покинул этот отвратительный мир. Последнее обстоятельство, возможно, является одним из немногих связующих звеньев между этим древним народом и современными румынами, которые по результатам проведенного осенью 2003г. опроса оказались самыми несчастными людьми в мире.

Наличие набора качеств, которых явно не хватало множеству последующих поколений румын (мужество и свободолюбие, но не пессимизм), превратило реальную, хотя известную далеко не во всех подробностях, историю этого народа в предмет культа, сказку, с помощью которой отдаленные потомки даков стараются заглушить мучающие их комплексы.

Хорошо представляя себе драматичный закат дакийской истории, мы имеем лишь отрывочные сведения о ее более ранних этапах. Во всяком случае, национальный характер даков свидетельствует о том, что воевать приходилось много и тяжело – к тому же известно и об имевших место в первом тысячелетии до нашей эры нашествиях на эти земли скифов и кельтов. Однако масштабы и продолжительность войн тех времен были таковы, что ресурсов страны, скорее всего, хватало для успешного противостояния врагам в открытом бою.

Сейчас, впрочем, появилось предположение, что даки не сыграли в формировании румынского народа той роли, которую им отводит классическая версия истории этих земель, так как являлись лишь узкой прослойкой завоевателей, за несколько веков до римлян, покоривших местные племена. А вот принадлежность этих племен является самым интересным элементом данной теории.

Прародина арийских народов находится где-то на северо-востоке Европы, а румыны – самая близко живущая к этой прародине романская нация. Таким образом, именно на территории нынешних румынских земель романские народы впервые выделились из общей арийской семьи, а уже оттуда пришли в Италию, и далее при посредстве Римской и Испанской империй распространились на другие страны и континенты. Исторических свидетельств в пользу такой версии древнейшей истории румын крайне мало, но все же в ней что-то есть. Она не только тешит румынскую национальную гордость, утверждая, что не румыны произошли от римлян, а римляне от румын, но и отвечает на целый ряд вопросов, с которыми нам еще предстоит иметь дело – почему сохранилось так мало следов дакийской культуры? почему из всех отдаленных римских провинций именно эта осталась романской страной? откуда взялось романское население в Молдавии, которой Рим никогда не управлял? – более убедительно, чем это делает классическая версия. Тем не менее, к изложению последней мы сейчас и вернемся.

Геополитическое положение страны может меняться, и весьма быстро. На горизонте даков, ранее ведших войны против возможно свирепых и многочисленных, но плохо организованных и недолговечных ополчений других племен, впервые появилось громадное, цивилизованное и богатое государство. На рубеже 1 и 2 веков н. э. Дакия была атакована Римской империей. Страна отчаянно сопротивлялась, но ресурсы империи были неизмеримо больше. Силы даков, в конце концов, были сломлены, а мужество не помогло против превосходства в численности, организации, технологии.

Весной 106г. царь и высшая аристократия Дакии окончательно убедились в невозможности дальнейшей борьбы с объединенными силами народов, населявших пространство между

Ирландией и Аравией, и по обычаю своего племени покинули этот нелюбимый мир, покончив жизнь самоубийством. При всем упорстве и кровопролитности той войны нельзя себе представить, чтобы римляне смогли (да и захотели) уничтожить большую часть коренного населения страны. Тем не менее, у некоторых историков возникали подобные предположения – настолько поразителен факт почти полного исчезновения дакского языка. По-видимому, потери среди аристократии и жрецов Дакии, основных носителей ее культуры, категорически не пожелавших мириться с завоеванием, были и в самом деле огромны. Стране был преподан жестокий урок – ее геополитическое положение из среднего стало очень плохим. На дорогах, сходящихся сюда из разных концов Евразии, появился первый враг, одолеть которого было невозможно. Он оказался далеко не последним.

106 год стал впоследствии магической датой в румынской истории. От него начинаются самый культовый (или один из двух культовых, наряду с модернизацией второй половины 19 – первой половины 20 веков) ее период и самая великая загадка.

Дальний рубеж цивилизации

Дакия была последним крупным приобретением Рима. Римляне понимали уязвимость положения новой провинции, находившейся вне естественных рубежей обороны империи по Дунаю и Рейну, открытой ударам народов, которые могли внезапно появиться из неведомых глубин континента. Им нужно было создавать надежную систему обороны страны, и ресурсов для этого у римлян хватало. Начались годы быстрого приобщения к передовой цивилизации.

«Император Траян, завоевав Дакию, собрал сюда со всех концов Римской империи множество людей, чтобы возделывать землю и заселить города» – свидетельствует римский историк Евтропий. Помимо воли императора, многих могла привлечь и перспектива принять участие в разработке месторождений золота, освоенных еще даками. Управление и финансирование со стороны могущественного и богатого государства, усилия переселенцев, прибывших из соседних балканских провинций, из Малой Азии, Греции и с Ближнего Востока, обеспечили прорыв в развитии Дакии. В стране, которая в предыдущие 200 лет делала первые грубые и неумелые шаги по пути к цивилизации, за 20 – 30 лет были созданы, по меньшей мере, 11 городов, система дорог и пограничных укреплений, на нее распространились совершенные, но сложные административная, военная и финансовая системы империи, появились римское право и городское самоуправление, античные религии, образование, философские учения, образ жизни, сформировавшийся в течение почти тысячелетнего интенсивного развития.

Установившийся в Римском государстве за сто с лишним лет до завоевания Дакии режим императорской власти означал для подвластного населения стабильность и безопасность, но и возрастающие ограничения свободы. Он расслаблял население империи, отучал его от навыков и привычек самоорганизации и самообороны. Конечно, традиции древней свободы, восходившие к Римской республике и греческим городам, к еще недавно независимым племенам Европы, тормозили эти процессы, но они были необратимы, и в течение нескольких веков существования империи наследие славного прошлого почти погибло под прессом деспотии. Сам характер форсированной романизации Дакии мог сыграть с ней злую шутку, усилив роль государства и зависимость от него простых людей. Привычка к покорности надо полагать воспринималась и местным населением, подавленным страшным поражением своей страны и лишенным прежних вождей.

Институты и идеи общества, основанного на свободе, частной собственности и власти закона, ценившиеся в Риме, несмотря на все победы деспотизма, и позже составившие основу западной цивилизации, несомненно, тоже были привезены в Дакию в обозе победоносной армии императора. Теоретически у этих «протозападных» институтов был шанс войти в жизнь населения страны, стать устойчивой частью его традиций. Но для этого требовалось много времени, гораздо больше, чем для присылки войск и переселенцев, постройки городов и дорог. Такого времени в распоряжении предков румын не было.

Дакия была не только последним приобретением римлян, но и первой их потерей. Из примерно 800 лет существования Рима как великой державы (исходя из того, что завершением этого периода был отнюдь не захват Одоакром власти в Италии, а разрушение основной, восточной части империи арабами, аварами и славянами в начале 7 века) Дакия была частью римских владений только 160 лет.

Завоевание земель за Дунаем обозначило вхождение Римской империи в зенит могущества. Беда, с которой начался ее упадок, пришла примерно с того же направления. Самый знаменитый народ времен великого переселения, готы, пройдя из Скандинавии через славянские земли нынешних Польши и Украины, в начале 3 века достиг Северного Причерноморья, впервые показавшись на горизонте цивилизованного мира.

В середине того же столетия они первыми из варваров успешно взломали римскую границу – в 250 г. готский король Книва взял город Филиппополь во Фракии и разбил армию императора Деция. Римско-готские войны затрагивали исторические румынские земли на Нижнем Дунае, но римская Дакия в связи с ними не упоминается. Готы стремились к более важным и богатым центрам античного мира, а отдаленная провинция за Карпатами их, похоже, первоначально не привлекала.

Какое-то время наступление пришельцев из Северной Европы было феерически успешным. Создав собственный флот они в 258 г. дошли до Босфора, в 262 г. совершили большой поход по Эгейскому морю, в 267 г. захватили и разграбили Афины и многие другие знаменитые города Греции. Римская империя в 260 г. на какое-то время распалась, но к 268 г. сумела частично восстановиться, после чего император Клавдий разбил готов при Наисе в Иллирии.

В 271 г. новый император Аврелиан прибыл со своей армией на Нижний Дунай. И там, надо полагать, убедился, что готы по-прежнему являются сильным противником. При этом римским владениям на Ближнем Востоке угрожала царица Пальмиры Зенобия. А возможности империи были самым серьезным образом подорваны войнами и эпидемией чумы, так что для борьбы на два фронта ресурсов не хватало.

И Аврелиан делает выбор – Ближний Восток важнее. Доподлинно оно не известно, но судя по дальнейшим событиям, с готами заключается соглашение – они отказываются от походов в римские земли, но взамен получают Дакию. Римляне отдали задунайские владения по той же самой причине, по которой много вкладывали в освоение этих земель в начале 2 века – из-за их уязвимости. Только тогда империя была сильна и богата, а к исходу 3 века оказалась истощена, так что ответ на прежний вопрос был другой – сокращать протяженность границ, возвращаясь к более удобным для обороны рубежам.

В 272 г. Аврелиан взял Пальмиру и некоторое время спустя доставил Зенобию в Рим в золотых цепях. Но вернуться в Дакию римлянам было уже не суждено.

Возвращение в доисторическую эпоху

Уход римлян из Дакии является таинственным событием. Известно когда, кем, по какой причине было принято решение, понятно и то, что приказание были выполнены. Мраком полнейшей тайны покрыты конкретные обстоятельства ухода имперской армии и администрации, а особенно судьба населения провинции. Мрак, лишь кое-где пробиваемый лучами косвенных и отрывочных сведений, опускается и на дальнейшую историю румынских земель.

С распадом Римской империи связано много похожих явлений, названных темными веками. Скудны сведения об истории большинства западноевропейских стран 6 и 7 веков. Наиболее убедительным примером такого рода является Британия, над историей которой на какое-то время опускается не сумрак, а полная тьма. После того как в начале 5 века римляне утрачивают контроль над островом, сведения о его истории обрываются на 200 лет, и лишь на рубеже 6 и 7 веков, когда с появлением христианских священников письменная традиция возобновляется, на историю страны проливается некоторый, пусть и слабый свет.

Румыния после ухода римлян погружается в такой же первобытный мрак, как Британия, но он начинает медленно рассеиваться только после 11 века, да и то не благодаря румынам, а усилиями другого завладевшего этой землей народа. Возвращение же румын как самостоятельной нации в лоно цивилизации происходит в 14 столетии. После примерно 200 лет попыток даков создать у себя основы цивилизованного общества и 160 лет экспорта римской цивилизации страна возвращается в первобытное состояние на 700, а часть ее на 1000 с лишним лет!

Погружение во тьму происходит мгновенно. В важнейших центрах империи многочисленные писатели продолжают освещать перипетии внутренней жизни государства и войн с внешними противниками на восточной, рейнской, дунайской границах. Но никаких голосов не доносится из-за Дуная.

Римский историк, Флавий Вופиск пишет, что император Аврелиан эвакуировал из провинции армию и население. И надо сказать, что аргументов, которые бы полностью опровергали такое утверждение, нет. Ведь в течение почти семисот лет сведения о населении этих территорий, оставшемся с римских времен, в исторических источниках почти не всплывают.

Но здесь-то и наступает самое время вспомнить о великой загадке румынской истории. Она заключается в том, что через 1000 лет, причем лет, наполненных бесчисленными нашествиями и разрушениями, бесконечными смутами и войнами завоевателей и переселенцев между собой, в свете вернувшейся на эту землю цивилизации обнаружился народ, говорящий на романском языке. Земли, входящие в бывшую Югославию или нынешнюю Болгарию, были частью Римской империи в два с половиной раза дольше, чем румынская территория, там располагались более значительные центры империи. В конце концов, после гибели империи эти страны либо по-прежнему входили в состав цивилизованного мира, либо сохранили более тесные, чем бывшая Дакия, связи с ним. Тем не менее, сейчас там живут славянские народы, а в Румынии – отдаленные потомки римских переселенцев. Как же они умудрились сохраниться?!

Это действительно великая загадка бесконечных темных веков румынской истории. Она породила множество легенд в современной Румынии. В конечном счете, мифы о культовом периоде римского владычества и чудесном сохранении его наследия легли в основу национальной идеи Румынии нового времени. Идеи о народе, хранившем достижения передовой цивилизации во тьме варварского мира и в силу этого обстоятельства, могущего претендовать на большую близость к наиболее развитым нациям Запада, нежели его соседи по Балканам и Восточной Европе.

Вот и представитель народа, сменившего римлян в качестве правителей нынешней Румынии, гот Иордан пишет только о выводе римской армии. А римляне, которые описывали свою

историю весьма детально, могли бы рассказать и поподробнее о таком грандиозном событии, как прибытие в империю сотен тысяч беженцев. Кроме того, нет и никаких сведений о народе, тысячу лет бродившем по неким перекресткам Европы с тем, чтобы потом вернуться на прежнее место. Столь примечательное событие наверняка оставило бы следы в исторических хрониках. А вот народ, живущий на одном месте, мог таких следов и не оставить. При том, конечно, условии, что он вел себя очень тихо.

И все же, предположение, согласно которому население покинуло оставленную провинцию, имеет под собой основания. Мирный и упорядоченный уход римлян мог иметь последствия сходные с теми, что возникли в результате жестокого разгрома даков. Вновь произошел резкий спад в развитии народа, связанный с тем, что страна лишилась своей элиты. Скорее всего, и администрация, и большинство состоятельных и образованных людей, и предприниматели, и наиболее квалифицированные мастера имели возможность покинуть провинцию и найти себе приют в других частях империи.

Остались простолюдины, причем это были не люди из свободного варварского племени, не граждане города-республики, умеющие постоять за себя. Они умели работать и платить налоги, но не умели сражаться, и у них плохо получалось принимать решения самостоятельно. Условия для адаптации бывшего римского населения к новой реальности были неблагоприятными. Будучи менее приспособленными к борьбе, чем древние даки, жители бывшей римской провинции оказались в более суровом окружении. Варварский мир северо-востока Европы подошел к порогу цивилизации. Племена размножились, так что им стало тесно в прежних границах, и научились делать хорошее оружие. В их рядах появилась элита, которая еще не имела таких твердых опор своей власти, какие дают государство и собственность, а потому жаждала войны дабы доказать свою полезность. Наконец, варвары достаточно подробно узнали, как хорошо живут богатые народы на берегах теплых морей, и ими овладели зависть и жажда грабежа.

В 271 году готы заняли знакомые им со времен походов на Фракию и Грецию равнины северо-востока и юга, завладели и большей частью земель внутри Карпатской дуги, но с севера в эту область проник другой германский народ – гепиды. В западной части румынских земель некоторое время жили еще одни будущие покорители Рима – вандалы.

На развалинах римских городов в Дакии нет следов военных действий. Судя по всему, лишенное защиты государства население провинции самостоятельно сопротивляться не пыталось. Но, тем не менее, существование этих городов прерывается – напуганные приходом готов жители покинули их. Возможно, они писали римским командующим и губернаторам за Дунай письма с мольбами о помощи. В румынской истории таких документов не сохранилось, но есть письмо 5 века из Британии, приводимое единственным писателем британских темных веков Гильдасом Мудрым. В нем рассказывается, как местное население покинуло свои города и земли перед лицом вторжения саксов, скрывается в лесах, горах и пещерах, голодает и вынуждено питаться травой и корой деревьев, готово убивать и грабить соотечественников лишь бы выжить самим.

Навыки выживания

Настало время укромных горных долин и густых лесов. Они были самым близким и естественным укрытием для людей, бежавших от нашествий с обжитых мест нынешних Трансильвании и Валахии. Они стали прибежищем румынского народа на многие века. Климат в долинах и предгорьях был пригоден для выживания – в распоряжении их обитателей имелись прекрасные пастбища, запасы чистой воды, обширные леса. Но пригодные для возделывания земли были дефицитом, их надо было расчищать от вековых деревьев, более холодный, чем на равнинах, климат налагал дополнительные ограничения на развитие земледелия. Так что упадок материальной культуры, который пришлось пережить бывшим римлянам, был очень глубок.

Народ, часть которого еще недавно жила в благоустроенных городах, за время жизни, возможно, всего лишь одного поколения превратился в ютящихся в хижинах среди гор и лесов пастухов. Произошло не только исчезновение городской жизни, но и глубокий упадок земледелия. Об этом опять же нет свидетельств письменной истории, но здесь на помощь приходит сам язык румын. Если слова, относящиеся к скотоводству, имеют в нем латинские корни, то употребление латинских земледельческих терминов сильно сократилось, так что потом многие из них были заменены словами из языка славян – народа, с которым румыны познакомились уже гораздо позже.

То же самое можно сказать и про слова, описывающие общественные отношения. Латинское или дакийское происхождение имеют только элементарные, базовые понятия – *moșie* (наследие, родина), *țara* (страна). Почти все слова, обозначающие различные ступени государственной и военной иерархии в средневековых румынских государствах были славянскими, греческими, тюркскими. Так что потомки римлян вернулись к жизни в условиях соседских общин или, самое большее, в рамках объединений нескольких деревень, расположенных в одной долине. Через несколько поколений население Дакии забыло про цивилизованную жизнь (чему помог и исход элиты во время эвакуации римских войск и администрации) – в конце концов, и в римские времена подавляющее большинство населения провинции вело простую и примитивную жизнь в деревнях. Просто исчезла иерархия, которая была построена сверху на этом фундаменте.

Не исключено, что многие простолюдины испытывали облегчение от исчезновения цивилизованной надстройки, но и трудности адаптации к более примитивным общественным структурам были немалыми, что тоже нашло отражение в лингвистическом наследии. Латинское происхождение имеют несколько слов относящихся к системе правления – *judet* (небольшой территориальный округ), *jude* (правитель этого округа). Они происходят от латинского слова, обозначающего судью. То, что предки румын в течение долгого времени не создавали более обширные и сложные политические структуры, вполне объяснимо, но применение юридической лексики для обозначения общинных старейшин весьма любопытно. У любого первобытного народа глава общины выполнял судебные функции, но первоисточник его легитимности был все же другой. В первую очередь он был отцом большого семейства, а уже этим оправдывалось предоставление ему остальных полномочий. Древние румыны уже прошли искушение цивилизованного общества, и их вожди становились таковыми просто в силу потребности общества в управлении его делами, без каких-либо более возвышенных обоснований.

Среди разноплеменных колонистов и покоренного местного населения не могло быть того внутреннего единства, которое имеет основанное на сети родственных связей первобытное племя. Вряд ли легко далось возвращение к совместному владению общинными угодьями, после господствовавшей в Риме системы частной собственности на землю. Из той пестрой смеси древних верований разных народов и нескольких новых религий, претендующих

на звание универсальных, какой была религиозная жизнь Римской империи времен эвакуации Дакии, не могла сразу возникнуть и спланирующая народ вера в общих богов.

Надо полагать, пастухи коротали время не только за молитвами неведомым богам, но и за сочинением песен. Их отголоски дошли до нас в самой знаменитой румынской балладе «Миорица». Ее зачин хорошо подходит для героического эпоса – бродящий по Карпатам пастух узнает, что его хотят убить. Только вот дальше никаких побед над злодеями не следует. Нет даже попытки сразиться с ними. Герой румынского эпоса оплакивает свою судьбу и рассказывает, как его лучше похоронить.

А еще есть старорумынское слово *oastea* – войско. Оно происходит от латинского *hostis* – неприятель. То есть армия для многих поколений румын ассоциировалась только с приходившими на их землю завоевателями. Создать собственное войско они, судя по всему, не пытались.

Большая часть пути назад в первобытное общество была успешно пройдена при помощи приходивших в бывшую римскую Дакию многочисленных варварских племен. К моменту образования на румынской территории новых государств там существовал развитый и жизнеспособный мир крестьянских общин, распоряжавшихся общей собственностью, управлявшихся старейшинами-судьями и умевших собирать собственные ополчения. Только этот мир получился менее энергичным, воинственным и самоуверенным, каким-то менее убедительным, чем древняя Греция, древняя Германия, древняя Русь и другие варварские народы, начинавшие цивилизованную историю «с чистого листа». Как баллада «Миорица» по сравнению с «Илиадой» или «Песней о Нибелунгах».

Кроме того, эти жители деревень пользовались очень странным словом для обозначения земли. Это слово *ramint*, и происходит оно от латинского *raimentum* – мостовая. Народ, который в течение, по меньшей мере, 800 лет не знал никаких городов, а в течение еще нескольких веков видел лишь очень небольшие и примитивные крепости и рынки, где никаких мостовых не было и в помине, обозначал важнейшее для себя понятие таким чисто городским термином. Как же велика должна была быть тоска вынужденных покинуть свои города бывших римлян по прежней жизни, если они смогли навсегда внушить населению чисто сельской страны, что поверхность, по которой оно ходит, следует называть мостовой.

Падение в глубины нищеты и примитивности, несомненно, стало трагедией для людей, еще помнивших о том, что раньше их уровень жизни был существенно выше. Но бедность стала и их главным щитом против завоевателей. Абсолютным убежищем от готов и гепидов горы и леса, разумеется, быть не могли. Но когда они приходили туда и видели людей, с которых почти нечего взять, они вряд ли вели себя жестоко.

Опыт Дакии был предупреждением Римской империи об ожидавшей ее судьбе. Готы стали первым народом, получившим власть над бывшей римской территорией. Их гордости, несомненно, льстило, что новые подданные выражали свою покорность господам на латыни – языке великой и древней империи. Очень может быть, воспоминания о том, что римляне тоже могут быть рабами, помогли готской армии в 410 г. бесстрашно атаковать столицу сверхдержавы того времени. Но за 30 лет до этого события они вынуждены были покинуть Дакию.

Правление готов продолжалось около 100 лет. За это время сменилось 2 – 3 поколения потомков римлян. Они привыкли к своему новому положению живущих в горах пастухов, скорее всего вновь возросло земледельческое население ставших безопасными равнин, народ стал богатеть. Готы сделались не страшными, а привычными, особенно после того, как обнаружилось, что взимаемая ими дань менее обременительна, чем налоги империи.

Последнее обстоятельство могло послужить причиной дополнительного притока романского населения в Дакию уже после ее оставления римскими войсками и администрацией. Вскоре после эвакуации Дакии порядок внутри империи был восстановлен и укреплен императорами Диоклетианом и Константином. Но оборотной стороной этих перемен стало усиление

деспотического характера государства, расширение бюрократии, рост налогов и коррупции. Это, несомненно, вызывало у многих подданных желание покинуть ставшую слишком жадной родину. Варварский мир был чуждым и опасным, а вот латинский очаг за пределами империи мог дать приют мигрантам. Разумеется, им вряд ли следовало рассчитывать на процветание, но все же карпатские долины и леса могли дать минимум благополучия и безопасности для самых нищих и отчаявшихся подданных империи, для гонимых за веру христианских сектантов или язычников. Подходящие для таких миграций условия существовали при готах и позже, при гепидах, удостоившихся названия мирного народа.

Подобные обстоятельства способствовали тому, что римляне и готы все более привыкали жить вместе и с течением времени могли бы составить единую нацию. Но этому процессу не было суждено получить сколько-нибудь значительное развитие. Самая ужасная для всей Европы, а для Румынии в первую очередь, восточная дорога народов, ведущая в бескрайние, неведомые и суровые глубины Евразии, тем не менее, много веков до того не беспокоила ни даков, ни римлян. Но в конце 4 века восточные степи наполнились грозными завоевателями. Первый удар гуннов, само имя которых стало в Европе всеобщим обозначением беспощадных захватчиков и грабителей, пришелся именно по Дакии. Это произошло в конце 370-х годов. Сопротивление германцев было сломлено – вестготы ушли в странствование по просторам Римской империи, остготы и гепиды подчинились гуннам.

Путь потомков римского населения был известен. Надо было уходить еще дальше от развалин римских городов, от плодородных земель на равнинах, в еще более укромные, суровые и негостеприимные горные убежища. Если в слоях 4 века археологи находят на территории Дакии достаточно много римских монет, то в последующие времена количество денег значительно убывает – вслед за государством и городами потомки даков и римлян прощаются и с остатками рыночной экономики. Многие из тех, кто при готах и гепидах сумел стать зажиточными земледельцами на равнинах, погибли или стали рабами, другие остались нищими пастухами в горах.

И весь народ, наблюдая из своих потаенных убежищ, как гунны сломали могущество готов, растерзали их страну, крушат их историческую родину – Римскую империю – вновь усваивал урок беспощадной истории: наше положение безнадежно. Завоевателям несть числа, их сила безмерна, сопротивляться немислимо, чтобы выжить нужно, во-первых, далеко спрятаться, во-вторых, быть бедным, чтобы ничем не возбудить чужой жадности и зависти, в-третьих, если не будет иного выхода, низко кланяться и услужливо работать на новых господ, ожидая, когда очередные воинственные пришельцы сломят их могущество.

И последнее случилось относительно скоро. Вождь гуннов Атила умер в 453г., и его империя пала под ударами восставших германских племен. Для западных римских провинций эти перемены означали избавление от опустошительных походов гуннской армии, а для Дакии начало новой войны. В течение нескольких лет на ее территории дрались с германцами и римлянами отступающие обратно в евразийские степи гунны, вряд ли обошлось и без ушибов между делившими территорию побежденного врага германскими племенами. В результате хозяевами карпатских и дунайских земель стали пришедшие сюда примерно в одно время с готами гепиды. Надо полагать, что карпатские убежища помогли им, так же как и коренному населению страны, пережить гуннское лихолетье с возможно меньшими потерями. Скорее всего, с этим народом, прожившим в Дакии почти 250 лет и пережившим вместе с коренным населением одни и те же бедствия, предки румын прошли значительный отрезок по пути ассимиляции. Но время не только пребывания гепидов на румынской земле, но и самого существования этого племени, подошло к концу через 100 с небольшим лет после распада гуннской империи.

Славяне, римские беженцы и христианство

В 530-х годах северная дорога народов наполнилась новыми пришельцами. Отправившись в путь с берегов Эльбы, на сцену европейской истории вышло последнее, и возможно самое свирепое из мигрирующих германских племен той эпохи – лангобарды. Точно также как у готов, вандалов и гуннов первой остановкой на пути к европейской славе (хотя и не столь громкой), разумеется, стала Дакия. На ее территории велась долгая и ожесточенная война между гепидами и лангобардами, но в течение нескольких десятилетий ни один из народов не мог получить в ней решающего преимущества.

Пока лангобарды воевали с гепидами на западе страны, на востоке начали появляться представители еще одного северного народа – славяне, а затем в придунайские степи нагрянуло сильное тюркское кочевое племя с востока – авары. В 560-х годах лангобарды заключили с ними союз против гепидов и совместными силами они не только разгромили их государство, но истребили и поработили народ так, что его имя с этого момента полностью исчезает из истории. Сила новой волны завоевателей и мигрантов оказалась огромной. Лангобарды – народ, впоследствии отобравший у римлян большую часть Италии – предпочли не связываться с ними, а ушли искать новую родину. Потомки даков и римлян, надо полагать, признали господство тюркских и славянских завоевателей, поспешив как всегда бросить лишнее имущество и уйти подальше в леса и горы.

Эти события открыли период важнейших перемен в судьбе нынешних румынских земель. Их значение, по крайней мере, не меньше чем важность римского завоевания и последующего ухода римлян. Другое дело, что по сравнению с подробным описанием завоевания и отрывочными сведениями об эвакуации, здесь царит мрак неизвестности. Наступившие потрясения стали серединой и кульминацией румынских темных веков. Лишь ничтожное количество коротких и смутных намеков в летописях, написанных в других местах и в другие времена, дает немного сведений. Основной источник, по которому можно судить о характере тех событий – их последствия. А он как раз достаточно богат. Если 250-летнее пребывание германских племен на карпато-дунайских землях не оставило почти никаких следов в языке и культуре румын, то последствия завоеваний и миграций 6 и 7 веков отчетливо прослеживаются на протяжении еще многих столетий, в том числе и в историческую эпоху. Этот период стал вторым после римского времени, когда были заложены основополагающие черты нынешнего румынского народа.

Главными героями новых смутных времен были славяне. Стоило после многих веков нашествий истощиться запасу желавших переселиться к теплым морям германских племен, как освободившуюся от них северную дорогу заполнили новые варварские претенденты на приобщение к цивилизации. Славяне мигрировали постепенно, несколькими большими волнами. Если первые переселенцы прибыли в середине 6 века, судя по всему, в составе отдельных небольших племен, то затем произошло нашествие большой орды, в составе которой славяне шли в качестве подданных или, по крайней мере, младших партнеров в деле захвата новых земель. Появлению аваров в Дакии предшествовало завоевание ими славянских племен, после чего значительная часть славян последовала за кочевниками на юго-запад.

Русские, болгары, украинцы или сербы, изучающие румынскую историю, уходя от современной эпохи вглубь веков, могут испытывать ощущение, что они возвращаются в свои собственные страны. Чем в более раннее румынское средневековье мы заглядываем, тем больше славянского языка, культуры, обычаев, имен и названий мы там встречаем. Нашим взорам предстает длительный и сложный процесс деассимиляции романского народа от славянского влияния – его поздние стадии хорошо различимы в свете вернувшейся на румынскую землю письменной истории, но его начало теряется где-то в глубине темных веков. Сама длительность

и постепенность романского возрождения дает представление об огромной силе славянского влияния, кульминация которого, судя по всему, приходится на 7 – 9 века.

Можно почти наверняка утверждать, что славянская миграция в Карпато-дунайские земли была масштабнее всех предыдущих и последующих. Славян, прошедших в 6 и 7 веках через румынские земли, оказалось достаточно, чтобы составить население, по меньшей мере, трех стран – Болгарии, Сербии и Черногории, занять значительные области Греции. В течение 6 века славянское население Дакии стремительно и постоянно росло, к 600 году оно, несомненно, было очень значительным, не исключено, что более многочисленным, чем романское. Никогда со времен римской эвакуации пришельцы не заселяли Дакию так плотно, не занимали столько земель, не проникали так далеко в укромные долины и леса. Никогда раньше романское население не общалось с новоприбывшим народом столь тесно и постоянно, перенимая его язык и обычаи, заключая смешанные браки. Ассимиляция шла полным ходом и, скорее всего, бывшая Дакия стала бы славянской страной, если бы не новые потрясения, последовавшие начиная с первых лет 7 века.

Точно так же, как готы и гунны, авары и славяне не рассматривали Карпато-дунайские земли в качестве конечного пункта своего пути. Их влекли плодородные земли и богатые города у теплых морей. Избрав равнину лежащую на север от Дуная своим плацдармом, это объединение двух народов обрушилось на балканские владения Римской империи. В течение нескольких десятилетий второй половины 6 века римская армия прилагала отчаянные усилия для удержания дунайской границы. Но, в конце концов, она не выдержала напряжения этой войны и в 602 г. в ответ на приказ императора Маврикия зимовать в негостеприимных придунайских степях подняла мятеж. Солдатская революция оказалась успешной и положила начало кризису, приведшему к гибели Римской империи.

Уже в том же 602 году последние остатки римской границы на Дунае были сметены аварами и славянами. Окружавший Дакию мир изменился. Если раньше ее романское население, хотя и было покинуто своим государством, жило в непосредственной близости от границы империи и продолжало ощущать ее влияние, то теперь пришла пора проститься с исторической родиной.

В 626 году Константинополь был осажден объединенными силами аваров и персов. Правда римлянам (а может быть по тем временам уже византийцам) удалось разбить обе армии у стен своей столицы и изгнать персов из восточных провинций, но их истощенное государство уже ничего не могло поделать с народом, нанесшим античному миру последний удар. Практически сразу по окончании большой войны с Персией на востоке появились только что принявшие ислам и создавшие единое государство арабы. Разбив на территории Палестины армию римского (византийского) императора, они затем захватили провинции Ближнего Востока и Северной Африки – что-то около половины территории бывшей Римской империи. Немного раньше уже знакомые нам лангобарды завоевали север и центр Италии. Большая часть Балкан погрузилась в первобытное состояние, находясь под властью аваров или независимых славянских вождей.

Империя отчаянно сопротивлялась, цепляясь за древние приморские города Греции и Малой Азии. Один из некогда покоренных римлянами народов – греки – теперь приспособил остатки римского государства для своих нужд. Перестроив экономическую, социальную и военную систему империи, они вернули ей некоторую часть прежнего могущества, но это было уже другое государство – Византия.

Потрясения 7 века обернулись глубокими изменениями в жизни всех балканских народов, но нигде эти перемены не были столь причудливыми и драматичными, как на дакийских землях. Когда дунайская граница была прорвана, большая часть ранее поселившихся севернее Дуная славян двинулась в бывшие римские владения. В течение последующих ста лет, возможно, еще были волны миграции с северо-востока, но теперь они беспрепятственно уходили

далее на юг и запад. Там, найдя теплые плодородные края, добравшись до естественного предела морского побережья, натолкнувшись на непреодолимое сопротивление греков, они остановились и обрели новое отечество. В Дакии осталась лишь меньшая часть славян, но они, несомненно, по-прежнему составляли значительный процент населения страны. Не исключено, что даже после ухода основной волны мигрантов Дакия все равно могла бы стать славянской страной, если бы не еще одно важное обстоятельство.

Богатые и плодородные земли, лежащие на юг от нижнего течения Дуная – римские провинции Мезия, Фракия и Иллирия – находились под властью Рима с 1 по 7 века нашей эры. Это была богатая и имевшая большое стратегическое значение часть государства. Там жило многочисленное и, несомненно, глубоко романизированное население. Когда славяно-аварское нашествие смело римскую границу, многочисленные города и крепости на Дунае исчезли. Куда-то делась и значительная часть сельского населения, поскольку уже очень вскоре явное большинство в этих местах составили славяне. Было бы логично предположить, что жители Дунайской границы бежали вглубь империи, на юг. Но аварская армия в 602 году прорвала римскую границу около Сингидунума (нынешнего Белграда), а затем, надо полагать, повернула в направлении Константинополя, на восток. В этом случае основные силы завоевателей подошли к дунайской границе с юга, то есть с тыла, и дорога вглубь империи оказалась отрезана.

О дальнейших событиях сохранилось письменное свидетельство – весьма неточное и туманное – но зато написанное в 7 веке, по свежим следам событий. Поэтому, не будем пренебрегать им. В «Житии Святого Дмитрия Солунского» написано следующее: «славяне и авары, опустошив почти всю Иллирию и всю Фракию до стен Константинополя, угнали все население оттуда за Дунай, в сторону Паннонии. Там аварский каган и поселил пленное население, которое, смешавшись с болгарами, аварами и другими язычниками, образовало затем большой и многочисленный народ». Конечно, слова насчет всего населения – явное преувеличение, но их наличие в повествовании указывает на то, что количество взятых в римских провинциях и угнанных за Дунай пленников сильно впечатлило самого автора или тех свидетелей событий, с чьих слов писалось изложение. Дикие авары и славяне не нуждались в большом количестве рабов. Поэтому каган просто отвел пленным на жительство какие-либо земли внутри своих владений. Вполне логично, что римляне устремились в те области, где уже были близкие им по языку и обычаям жители.

Существует также версия, согласно которой население дунайских провинций само бежало от надвигавшихся завоевателей на территорию нынешней Румынии. Здесь напрашиваются вопросы о том, могли ли беженцы по своей воле направиться на неприятельскую территорию, и возможно ли было такое, чтобы за Дунаем не нашлось никаких аварских и славянских сил, способных их перехватить. Но конкретных обстоятельств того времени мы все равно не знаем, так что не следует отвергать и такое предположение.

Скорее всего, было и то и другое – вначале прибыло некоторое количество беженцев, потом появились отправленные на поселение либо освободившиеся пленники. И для тех и для других уже обжившее свои лесные и горные убежища романское население было магнитом, привлекавшим их на эти земли. В любом случае, весьма значительная часть населения бывших балканских провинций переместилась либо была перемещена на земли нынешней Румынии. Хотя это были наверняка не все жители и вряд ли большая их часть, но, учитывая обширность и многолюдность земель, переживших за относительно короткий срок радикальную трансформацию состава своего населения, вновь прибывших было, скорее всего, больше или, по крайней мере, не намного меньше, чем оставшихся со времен римского правления. Произошла рокировка – основная масса славян с севера Балканского полуострова переместилась на юг и запад, а некая часть романского населения оказалась вытеснена на прежние места обитания славян. Что принесли Румынии эти перемены?

Романский элемент, несомненно, укрепился, тем более в условиях оттока славян. Долгосрочные, проявившиеся только через века в виде деассимиляции романского населения, последствия этих событий и служат наиболее убедительным аргументом в пользу подлинности вышеописанного. Но, казалось бы, такой прилив свежей крови должен был поднять экономический и культурный уровень страны, вызвать рост политической активности ее населения. Ничего похожего не произошло. Это можно попытаться объяснить.

Новоприбывшее население было сильно потрепано историей. Если Дакия была оставлена римлянами в самом начале неблагоприятного периода в жизни империи, то дунайские провинции успели увидеть много перемен к худшему. Деспотизм приобретал все более жестокие формы, но не спасал от нашествий варваров, значительная часть которых атаковала именно Балканы. Все, что раньше было сказано о неумении жителей римской Дакии жить в условиях свободы, относится к новоприбывшим в еще большей степени. Тяжелый, пессимистический исторический опыт оказался помножен на шок от насильственного переселения с плодородных равнин и из благоустроенных городов в дикие и скудные горы и леса. Вслед за коренными жителями бывшей римской Дакии новоприбывшие также пошли по пути возвращения от цивилизации к первобытному обществу (городов на юге Балкан было больше, так что, может быть, странное слово *ramint* вошло в румынский язык именно в 7 веке). Отражением того давнего ужаса, возможно, является также слово *sarșap*, в румынских сказках означающее «людоед, чудовище», и при этом похожее на титул знатных аваров – «капкан».

Хотя при вышеописанных обстоятельствах разгрома дунайской границы в число пленников или беженцев могло попасть некоторое количество представителей римской элиты, последствий этого не заметно. Все же их было, скорее всего, совсем мало – этот слой населения подвергался большому риску гибели на войне, а с другой стороны имел больше возможностей бежать в устоявшие под натиском захватчиков центры империи или уехать туда, выкупившись из плена. Так что народ был лишен претендентов на лидерство. К тому же он принес в тихие горные долины новый сильный заряд страха и пессимизма, которым его научила беспощадная история. И не принес умения устраивать свою жизнь самостоятельно, так как этому история его не научила.

Еще беженцы или пленники начала 7 века принесли с собой окончательное утверждение христианства. Сразу оговоримся – время и обстоятельства принятия предками румын новой веры покрыты мраком тайны. Исходным моментом является присутствие некоторого количества христиан в Дакии на момент ее оставления римскими войсками. В конце 3 века христианство в империи было широко распространенной и влиятельной сектой, но не государственной идеологией и не верой большинства. Так что можно уверенно говорить о том, что новая вера успела проникнуть в Дакию за годы римского правления, тем более что это подтверждается археологическими памятниками периода вскоре после ухода римлян. Но, скорее всего, его присутствие в отдаленной и лишенной старинных городов провинции было незначительным.

Перенесемся через тысячу лет к тому времени, когда возобновление письменной истории Румынии позволило точно определить положение христианства на тот момент. Страна была полностью христианской, причем придерживалась православного обряда.

Между этими двумя временными рубежами, века загадок и неопределенности, заполняемые отрывочными фактами и домыслами. Благодаря деятельности проповедника Ульфилы христианство широко распространилось среди готов к концу их господства в Дакии. После этого на несколько десятилетий Карпато-дунайские земли вернулись под власть язычников. Затем гепиды приняли христианство также незадолго до того, как их стала теснить новая волна завоевателей-язычников. О том, насколько новая религия проникла в среду подвластного принявшим крещение германским племенам населения, ничего толком не известно.

Точно сказать, каким богам поклонялось большинство населения Карпато-дунайских земель в 4, 5 и 6 веках, трудно. Не исключено, что христианство и стало религией боль-

шинства где-то к концу 4 века, когда сначала произошло крещение готов, а потом ужасы гуннского нашествия могли навеять мысль о близости обещанного проповедниками конца света. Но вполне возможно, что жители Дакии могли сохранять веру в языческих богов гораздо дольше, чем население, оставшееся в пределах империи. Ведь христианство здесь никто не навязывал. Юрисдикция насильственно уничтожавшего веру в олимпийских богов римского императора Феодосия Великого на Дакию уже не распространялась.

А вот о торжестве христианства в 7 веке можно говорить с большой долей уверенности. То, что беженцы и пленники с дунайской границы были христианами, сомнения не вызывает – вера в Спасителя господствовала в империи уже более двух столетий. Наряду с уже существовавшими в Дакии общинами, новоприбывшие составили христианское большинство. Слова латинского происхождения, обозначающие основные термины христианской религии, свидетельствуют о ее древнем, римском происхождении. А с другой стороны, наличие в Румынии древней христианской традиции служит подтверждением значительного притока населения из уже христианизированной Римской империи.

Дальше снова начинаются сплошные загадки. О том, какие именно формы получила христианская вера и церковная организация в Румынии в те древние времена, опять же ничего не известно даже приблизительно. Хотя, с одной стороны, большая часть населения стала христианской, в то же самое время, после перехода власти на Балканах к языческим вождям страна на долгие 250 лет – до крещения Болгарии – оказалась отрезана от основных церковных центров той эпохи. В Ирландии и западной части Британии в условиях изоляции от христианского мира развилась самобытная, непохожая ни на какие другие, церковь, которая лишь весьма не скоро интегрировалась в общеевропейскую католическую организацию. Судя по всему, жизнь в Румынии в те времена была беднее и опаснее, чем в Ирландии, и следов чего-либо похожего на удивительную культуру ирландских монастырей на отрогах Карпат не заметно. Тем не менее, логично предположить, что в ту эпоху в укромных карпатских убежищах существовало некое самостоятельное и самобытное христианское сообщество, сведения о котором, однако, безнадежно затерялись в глубине веков.

Но есть возможность назвать некоторые особенности, которые были присущи принятию христианства Румынией. Оно не было насильственным. В румынских лесах и долинах действовали не грозные повелители, а мирные проповедники. Здесь еще на несколько столетий продлились первые века христианства, когда оно не было государственной религией. Зато христианство могло найти широкий отклик в душах народа, которому приходилось много страдать, и нужно было искать утешения в воздаянии в загробной жизни или после грядущего конца света. Христианские заповеди были полезным обоснованием той бедной, тихой и скрытной жизни, которую вели многие поколения предков современных румын. Маловероятно, чтобы евангельский призыв подставить вторую щеку тому, кто нанес тебе пощечину, находил искренний отклик в душах императоров Константина и Феодосия, короля Хлодвиг или князя Владимира, но для румын поведение примерно в таком духе стало способом выживания бок о бок с бесчисленными и неодолимыми завоевателями.

В тылу империй

«Житие Дмитрия Солунского» утверждает, что романское население Дакии недолго сохраняло верность своим аварским господам. Через 60 лет после пленения потомки переселенцев восстали и перешли на сторону болгарского хана Кубрата. Это событие отражает формирование нового геополитического положения Карпато-дунайских земель, некоторые черты которого сохранились до современной эпохи.

Воспользовавшись неудачей аваров под Константинополем, славяне в 630 году подняли восстание, в результате которого часть из них освободилась от власти кочевников. Разместившиеся восточнее и южнее Карпат славянские племена получили независимость, но они не уничтожили Аварский каганат и не создали собственного государства. Около 50 лет славяне на большей части Балканского полуострова – между паннонскими и трансильванскими владениями аваров и византийскими оплотами на берегу Средиземного моря – жили самостоятельно, будучи организованы лишь в мелкие общины.

Этому первобытному хаосу положили конец болгары – новый кочевой тюркский народ, нагрянувший по восточной дороге где-то около 670 года. И для него Румыния была лишь промежуточной остановкой на пути к теплым морям. Здесь болгары повернули на юг и устремились на земли южнее Дуная. Объединив славян под своей властью и отбив контратаку Византии, они в 680 году создали Болгарское ханство – тюркское государство, которое стало славянским по мере того, как большинство населения ассимилировало немногочисленное господствующее племя.

Наступают более спокойные времена. Самая ужасная восточная дорога народов была на 200 лет перекрыта Хазарским каганатом – именно от хазар бежали на запад болгары и еще несколько родственных аварам племен. Север в ходе многовековых германских и славянских миграций лишился значительной части своего населения, и оттуда в течение долгого времени уже никто не приходил. Юг и запад не атаковали, а оборонялись. Византийских греков теснило Болгарское ханство. Западное Франкское королевство отбивалось от набегов аваров. Для болгарского и аварского государств Румыния была тылом. Трансильванией – то есть землями к северо-востоку от Карпатской дуги – возможно также и некоторыми территориями между Дунаем и Карпатами владел Аварский каганат. Значительная часть румын проживала на его территории, находясь на нижней ступеньке социальной иерархии, вслед за аварами и славянами. С этого момента начинает формироваться различие между Трансильванией с одной стороны и землями на восток и на юг от Карпат – Молдавией и Валахией – с другой. Трансильвания попадает под контроль крупных государств, обеспечивающих внутренний порядок и оборону от внешних врагов, что создает предпосылки для более быстрого и убедительного возвращения к цивилизации. Но эти государства контролируются не с румынских земель и не румынами, последние прочно занимают место на нижних ступеньках общества.

На востоке и на юге геополитические бури продолжали буйствовать с неограниченной силой и с минимальными перерывами. Эти земли оказались буферной зоной между двумя империями (Аварской и Болгарской), и подобному положению было суждено повториться в румынской истории еще не раз. А ранее приведенное упоминание о переходе романского населения из аварского в болгарское подданство свидетельствует о том, что предки румын начали учиться по мере возможности пользоваться своим ужасным геополитическим положением. Завоевателей было невозможно одолеть в открытом бою, но можно было обмануть и перехитрить, особенно воспользовавшись тем, что они были разные и зачастую враждовали друг с другом. Век за веком безвестные румынские правители осваивали искусство маневрирования на международной арене – учились перебегать от слабеющих господ и завоевателей к набирающим силу, а в случаях, когда они оказывались на стыке владений примерно равных

по силам наций, торговаться с целью улучшения условий подчинения и расширения своей независимости.

Славянское господство

Теперь внимательнее рассмотрим, каков был внутренний строй общества, для чего вернемся к подробностям славянских миграций и завоеваний. Эта волна пришельцев была сильна в демографическом отношении и при этом относительно слаба политически. Слабость происходила от крайней нестабильности их правления. Среди смешения родов и племен, одни из которых прибывали с северо-востока, другие искали пути дальше на юг и юго-запад, не могло возникнуть нужного внутреннего единства. По мере стабилизации обстановки возможностей для объединения становилось больше, но все же славянское население было слишком пестрым, ему мешала сложная география страны, а также ее положение как буферной зоны между Болгарским и Аварским царствами.

Славянское влияние пришло на Карпато-дунайские земли двумя весьма разными по содержанию волнами – первая была связана с переселением и завоеванием, вторая – с культурным влиянием Болгарии. Исходя из того состояния, какое мы застаем, когда письменные источники вновь проливают свет на румынскую историю, вполне можно представить политические формы этого процесса. В ходе перипетий завоевания, миграций, борьбы с аварами и жизни в пограничной зоне между Аварским каганатом и Болгарией славянские племена захватывают наиболее доступные, богатые и удобные земли. Романское население по давно освоенному обыкновению прячется в укромные долины и леса. Но новые пришельцы особенно многочисленны, к тому же в убежища потомков римлян устремляется поток новых переселенцев или беженцев из опустошенных аварами и славянами южнобалканских провинций бывшей Римской империи. Население страны увеличивается и укромных мест не хватает, значит, приходится селиться рядом с завоевателями и искать общий язык с ними. Тем более что новоприбывшие еще не освоились в новой стране, не умеют хорошо прятаться и, скорее всего, быстро попадают в зависимость от славянских племен, уже несколько десятилетий занимающих в стране господствующее положение.

В результате, создаются политические структуры, которые мы застаем и в исторические времена – княжества и воеводства (сами румыны для обозначения своих протогосударств используют эти славянские слова в почти неизменном виде – *snezate* и *voievodate*). Пользуясь преимуществами завоевателей, лучше вооруженные и организованные, занимающие более выгодные позиции славянские вожди создают объединения проживающих по соседству славянских и романских общин. Большая часть терминов, связанных с политической и военной организацией средневековых румынских государств – славянского происхождения. Даже в 14 веке, 700 лет спустя после славянского нашествия, некоторые вожди румынских племен носят чисто славянские имена – Тихомир, Литовой. У других вождей и первых князей Молдавии и Валахии мы встречаем румынские имена, многие из которых тоже изначально славянского происхождения – такие как Мирча, Раду, Дан – так что древнее происхождение их семей было, скорее всего, славянским. А вот для обозначения зависимых от феодалов крестьян румыны чуть ли не до 19 века используют слово *gămin*, то есть название собственного народа. Это еще одно феноменальное явление румынского языка, надо полагать, пошло от славянских вождей, узнавших, что покоренные ими племена называют себя *gomani* – римлянами.

И все же между завоевателями и завоеванными не возникло таких непреодолимых преград, какие позже были созданы покорившими Трансильванию венграми. Славяне находились на той стадии общественного развития, когда людям еще не свойственно разделять общество слишком прочными барьерами. Славянское население было слишком многочисленно, чтобы составлять только господствующую группу. Славян наверняка было много среди простых земледельцев и ремесленников – свидетельством чему служит наличие большого количества славянских корней в словах румынского языка, описывающих соответствующие сферы

деятельности. По мере того, как сократившееся в результате миграций славянское население растворялось среди более многочисленных старожилов, романскому населению начали понемногу открываться пути на вершину социальной лестницы. А еще важную роль могло сыграть наличие общей религии, так как и славянское и романское население с уважением отнеслись к авторитету древнего византийского и нового болгарского центров православного христианства.

Долговременная совместная жизнь завоевателей и завоеванных, все более сложные условия господства и подчинения способствовали тому, что румынское общество стало вновь нащупывать пути возвращения к государству, сословной и классовой иерархии. Потребность славян в придании стабильных форм своему господству, скорее всего, способствовала возникновению сословного деления общества и формированию более крупных, чем жудецы древней Румынии, политических образований.

Православие и заря новой цивилизации

Ассимиляция мигрантов в смысле простой замены славянской крови романской могла зайти достаточно далеко уже в ранние века, но это не вполне ясно, поскольку одновременно шел процесс роста славянского культурного влияния. Его источником стала Болгария. Вначале, древняя Румыния оказалась связана с этим государством двойными узами крови. На земли южнее Дуная ушли многие родственники оставшихся на Карпато-дунайских землях славян, так что население Болгарии не воспринималось славянской частью древнерумынского народа как чужое. Не была эта страна чужой и для романского населения, значительная часть которого являлась потомками выходцев с земель занятых болгарами. В самой Болгарии сохранилось романское население – оно там есть и сейчас, но в те времена наверняка было более значительным.

Как видно из того же примечательного отрывка «Жития Дмитрия Солунского», уже кочевые тюркские племена болгар стали союзниками румын в борьбе против аварских угнетателей. По мере того, как Болгария оформлялась в качестве государства со славянским большинством и значительным романским компонентом, она становилась для них все более естественным и желанным партнером. Причем партнером старшим – покровителем, а затем и господином, управлявшим румынскими землями.

К концу 8 века Румыния перестает быть буферной зоной между Болгарским и Аварским государствами. Основной враг аваров – Франция – в конечном счете, оказался сильнее и выносливее воинственных и свирепых кочевников, и по мере того, как ресурсы аваров таяли, франки перешли в наступление. Самый знаменитый из франкских королей Карл Великий в 796г. уничтожил основные силы аваров в Паннонии. Добывать гибнущее государство устремились болгары, и в начале 9 века большая часть нынешней румынской территории перешла под их контроль. Теперь давние родственные узы были подкреплены силой оружия и властными полномочиями, так что болгарское влияние достигло апогея – не очень продолжительного по времени, но важного по последствиям.

В последующие несколько десятилетий остатки аварских племен вели бои с болгарами и франками, скорее всего в основном опять же на румынской территории. Но к середине 9 столетия потомки не очень многочисленного и истощившего свои силы в борьбе за империю народа были истреблены и рассеялись настолько, что упоминания о нем исчезают из истории. Поскольку аварские следы теряются на румынской земле, то очень возможно, что последние остатки некогда грозных завоевателей влились в ряды мирных карпатских пастухов, и среди нынешних румын есть некоторое количество потомков также и этого народа.

С падением Аварского каганата завершается кульминация темных веков румынской истории. Если с разрушением аварами римской границы на Дунае последняя связь Карпато-дунайских земель с цивилизованным миром была потеряна, то теперь слабый свет цивилизации начинает вновь понемногу достигать этих мест. Это происходит по мере того, как к ее благам приобщается Болгария.

С точки зрения теории пересечения в Румынии больших евразийских дорог роль болгар примечательна тем, что они приходили по двум дорогам в двух разных ипостасях. В 7 веке – по восточной в виде дикой орды, в 9 – по южной в качестве армии уже почти цивилизованного государства. Правда, для налаживания постоянного управления дикими северными территориями ни сил, ни умения у болгар не хватало, так что походы в Румынию болгарского хана Крума, в отличие от вторжения императора Траяна, не привели к тому, что эти места сделались провинцией южной империи. Сформировавшиеся, возможно, еще под верховным правлением аваров румынские протогосударства продолжали развиваться и под покровительством Болгарии. Которое им, скорее всего, было наиболее близко и приятно. Во всяком случае, когда

новые завоеватели венгры потребовали у одного из славяно-романских князей Менуморута подчиниться, тот ответил им отказом, как сказано в летописи, по зову «болгарского сердца». Процесс образования государств быстрее шел в Трансильвании, где к концу 9 века мы застаем три относительно крупных славяно-романских племенных объединения.

В 9 веке появляются упоминания о румынских государственных образованиях на юг от Карпат, таких как Влашка, Кымпулунг Мусчел. У самих румын они носят название *spezat de vale* – княжество долины. То есть речь идет об элементарном компактном объединении общин, живших в одной горной долине – главном укрытии местного населения со времен ухода римлян.

Заново формирующиеся государства нуждались в совершенствовании культуры и идеологии, и в этом им помогла Болгария. В 866 году болгары приняли христианство. Пожалуй, этот год можно считать и датой окончательного приобщения к новой религии румын. Если романское население было христианским начиная самое позднее с 7 века, то пришедшие с севера славянские завоеватели были язычниками. Время и обстоятельства их обращения в новую веру опять же покрыты мраком темных веков – вполне возможно они под влиянием романского большинства и, следуя примеру цивилизованных наций Юга и Запада, довольно быстро стали христианами, но не исключено, что заметная их часть сохраняла приверженность древней религии до того самого 866г. На этом рубеже завершается история существовавших на румынской земле язычества и самобытного древнего христианства. Перенятая Болгарией из Византии высокоорганизованная, опирающаяся на древние и прочные идеологические, политические и культурные традиции, православная церковь завоевала господствующие позиции в румынских протогосударствах Трансильвании, общинах Карпат, Валахии и Молдавии.

Незадолго до крещения Болгарии византийцы Кирилл и Мефодий составили славянскую азбуку, которая и была перенята новой христианской страной. Оттуда письменность после 600-летнего перерыва вновь пришла к румынам, только это была уже не латиница их далеких римских предков, а славяно-византийская кириллица. Вместе с религиозной организацией и письменностью из Болгарии пришла и новая мощная волна славянского и частично греческого языка – масса заимствований, касающихся различных понятий религии, церковной службы и иерархии, военной и бюрократической структуры государства, сословного деления и отношений господства и подчинения в обществе. Если растворение славянской крови в романской шло своим чередом, то процесс культурной деассимиляции романского населения был надолго повернут вспять. Славянский язык был закреплен в качестве средства общения привилегированных и образованных слоев румынского общества, и к нему добавилась связанная с православной славянской цивилизацией азбука Кирилла и Мефодия, ставшая одной из основ румынской культуры на длительный срок.

Таков был первый, но многое решивший шаг на пути возвращения Румынии в лоно цивилизации. Выходивший из темных веков, румынский народ стал на путь приобщения к цивилизации восточнохристианской, евразийской. Она была лишена той оригинальности, зачатки которой содержались в погибшей античной культуре и через 1 – 2 века после описываемых событий возродились в Западной Европе. Восточнохристианская цивилизация базировалась на давно отработанной человечеством простой и относительно надежной схеме военно-бюрократической деспотии, хотя греческое христианство и облагораживало этот жесткий, давящий и однообразный строй.

Выбору древних румын способствовало множество обстоятельств времени и места. Изложенные выше соображения относительно сильного болгарского влияния следует умножить на еще более древнее почтение населения Карпато-дунайских земель к наследникам Римской империи, в качестве которых воспринимались, прежде всего, византийцы. Означает ли это, что румынам был заказан путь приобщения к западной цивилизации, которой предстояло зародиться через 100 лет, а через 1000 стать самой могущественной в мире и открыть перед чело-

вечеством новые горизонты. Венгры и поляки, также как и румыны, жившие на диком востоке Европы, но принявшие католическое христианство, стали частью Запада. Но даже их развитие по западному пути было медленным и неполноценным, что позже обернулось для этих народов крупными историческими поражениями. А у них были лучшие предпосылки для этого в виде большей силы и уверенности в себе. Полякам такую силу давало положение народа испокон веку жившего на своей земле и успешно отражавшего удары захватчиков. Венграм – судьба удачливых завоевателей. Румыны же испытали много непреодолимых ударов судьбы, и их самым заветным желанием наверняка была не свобода, а безопасность. А значит, и политическим идеалом было простое и сплоченное государство, управляемое железной рукой сильного единоличного правителя – то есть восточная деспотия. Подтверждения тому мы еще найдем в более поздней румынской истории.

В конце концов, та политическая и идеологическая система, которую к исходу 9 века болгары переняли, а румыны начали перенимать у Византии, сформировалась в условиях, в чем-то схожих с обстоятельствами румынских темных веков. В 7 – 9 веках Византия также пережила множество нашествий сильных и жестоких завоевателей, в огне которых сгорели античные экономика, культура, политика и идеология. В отличие от румын, у греков хватило сил, чтобы выстоять, но их общественный строй был теперь всецело подчинен задаче отражения внешних врагов.

Общество, основанное на плюрализме, господстве закона, разделении властей совершеннее деспотии, но и уязвимее ее. Средневековые европейские олигархии смогли сформироваться и укрепиться только в благоприятной геополитической обстановке, которой на Балканах никогда не было. Ни внешняя среда, ни исторический опыт не подталкивали румын к созданию свободного (разумеется, в сословных рамках) общества на манер средневековой Италии, Германии или Венгрии. Конечно, ни один народ не может быть вечно и фатально предрасположен к какому-либо определенному строю, но то, что известно про древнюю и средневековую Румынию позволяет предположить, что даже в случае принятия страной католичества развитие там западных институтов шло бы крайне трудно и медленно.

Впрочем, вышеизложенное полностью верно только в применении к землям южнее и восточнее Карпат. В Трансильвании же сразу после принятия ее румынским населением восточного христианства другой народ внес в ход истории серьезные поправки. Но этим сюжетом мы займемся позже, после того, как подведем некоторый промежуточный итог.

Почему румыны романский народ

От того момента, когда покинутое Римом население Дакии вернулось к первобытному строю, до времени, когда после гибели Аварского каганата началось новое приобщение румын к цивилизации, прошло 500 с лишним лет. Пора ответить на вопрос, поставленный при описании ухода римлян из Дакии: почему в этой стране сохранилось романское население? Конечно, в Европе есть и другие романские нации, но все они располагаются на землях подвергшихся куда более интенсивному и долговременному влиянию Рима, не говоря уже о колыбели латинской цивилизации – Италии. А Дакия была дальней окраиной Римской империи и входила в ее состав в течение меньшего времени, чем любая другая из подвластных стран. Сравнение румынского пути с историей этих краев явно неправомерно. Судьбу Дакии после ухода римлян имеет смысл сравнивать только с тем, что происходило при сходных обстоятельствах в других бывших римских провинциях, находившихся на окраинах империи, входивших в ее состав не очень долго или подвергшихся относительно меньшей романизации.

Римская цивилизация обладала исключительно высокой способностью ассимилировать попавшие в сферу ее влияния народы – устояли лишь немногие, обладавшие наиболее древней и развитой культурой. В результате население римских провинций привыкло легко менять свою национальную принадлежность, и большая его часть была успешно ассимилирована теми народами, которые поделили между собой наследие Цезаря и Августа. Громадный массив бывших римских провинций на Ближнем Востоке и в Северной Африке в настоящее время является арабскими странами. Большую часть бывших римских Балкан ныне занимают славянские народы. Народ, который впоследствии управлял с Британских островов другой всемирной империей, ведет свое происхождение не от населения этой отдаленной имперской провинции, а от германских племен, занявших ее во время распада римского государства. Для того чтобы понять в чем разница между этими странами и Румынией, вернемся назад и сравним то, что там происходило в первые 500 лет по завершении римского владычества.

Римляне утратили контроль над нынешней болгарской территорией в 602г. Она была заселена славянскими переселенцами, находилась под властью вождей их племен. Пришедшие в 680г. тюркские племена болгар не занимались истреблением или вытеснением славян. Напротив они смогли стать партнерами и создали сильное государство, которое долгое время защищало новое население южных Балкан от нашествий мигрирующих народов. Болгарское царство было завоевано византийцами в 1018 году, через 400 лет после славянского нашествия. Оставшиеся до избранного нами 500-летнего рубежа 100 лет Болгария была провинцией Византии. Взявшие реванш византийские греки нашли на завоеванной территории устойчивое славянское большинство, ассимилировать или истребить которое было выше их сил. Через 160 лет после завоевания местное население доказало, что оно на месте и не ассимилировано, свергнув византийскую власть.

Арабы захватили римские владения на Ближнем Востоке и в Египте в 640 году. Эти земли стали частью другой обширной и могущественной империи – Арабского халифата. Власть новой деспотии над центральными областями мусульманской империи – а Ближний Восток и Египет входили в их число – держалась до середины 10 века, то есть около 300 лет. Лишь после 950 года давно начавшийся на окраинах процесс дробления дошел до центра, в сердце империи проникли отряды турецких кочевников, власть халифов сделалась номинальной, а реальный контроль перешел в руки местных правителей турецкого либо арабского происхождения. Возможно, в какой-то момент существовала угроза массовой миграции турок на Ближний Восток и новой ассимиляции местного населения, однако мусульманским правителям халифата удалось направить основной натиск пришельцев на христианскую Византию, так что турецкие переселенцы двинулись в Малую Азию. Еще через 150 лет рыцари-

крестоносцы захватили часть Ближнего Востока, а разобщенные арабские и турецкие власти поначалу ничего не могли им противопоставить. Пятисотлетний юбилей победы над Римом застал арабов слабыми, разобщенными и частично утратившими свою независимость, но в любом случае, очевидно, что это были уже отнюдь не только племена, кочевавшие на Аравийском полуострове, но громадный народ, населявший земли от Месопотамии до атлантического побережья Африки. В конце концов, пришедшим на Ближний Восток потомкам жителей западных провинций Римской империи пришлось смириться с тем, что они теперь здесь чужие, и вновь уступить эти земли потомкам кочевников с Аравийского полуострова и тем, кто теперь считал себя единым с ними народом.

Римские войска покинули Британию в 410 году. Саксы, англ и юты смогли завоевать и заселить большую часть острова примерно к 500 году. В течение 300 лет они спокойно жили в Англии, постепенно приобщаясь к цивилизации и создавая собственные государства, а отнесенные к западному побережью остатки населения римской провинции, хотя и держали оборону, не могли бросить вызов господству на острове новых поселенцев. Зато в 9 веке англосаксы подверглись удару грозного врага – викингов. В ходе продолжавшейся более 200 лет борьбы они несколько раз завоевывали почти всю Англию и даже сумели заселить некоторые области на западе страны. Однако, в конечном счете англосаксы как раз через 500 с небольшим лет после заселения Британии окончательно отразили завоевателей и подтвердили, что остров принадлежит им. Правда, вскоре последовало новое, более успешное вторжение, но в последующие несколько веков англосаксонское население ассимилировало и этих завоевателей.

Теперь вспомним, что происходило в Карпато-дунайских землях. Готы заселили уступленные римлянами земли вскоре после 271 года и жили там в течение 100 лет, а затем бежали от гуннов. Последние правили Дакией 78 лет, где-то в этот период произошло заселение большей части страны гепидами. Гепиды спокойно жили на большей части бывшей дакийской территории в продолжение примерно 70 лет, еще 40 лет делили эти земли с лангобардами и славянами. Затем гепиды были побеждены и перестали существовать как отдельный народ, лангобарды бежали, а Карпато-дунайские земли оказались заселены славянами и аварами. Эти драматические события произошли в 567 – 568 годах, то есть почти через 300 лет после ухода римлян из Дакии. Вот теперь самое время сравнить стабильное положение болгар, арабов и англосаксов на захваченных ими землях в течение по меньшей мере 300 лет с момента переселения на бывшие римские территории, с тем безумием, которое творилось в Дакии в первые 300 лет после ухода римлян.

Безусловно, римское население любой из захваченных провинций не могло быть ассимилировано сразу. Эти процессы шли веками. В конце концов, и в наше время в Болгарии есть романское меньшинство, в арабском мире сохраняются островки христианства, а в Уэльсе живут потомки древнего населения Британии. Но у большинства захватчиков и переселенцев времени на то, чтобы ассимилировать большую часть римского населения, было достаточно.

А вот в Дакии его не было. Никто не мог здесь прижиться. Проклятие великого геополитического перекрестка преследовало любой народ – по одним из пересекавшихся здесь дорог приходили новые завоеватели, другие манили еще не привыкших к новым местам переселенцев более светлыми горизонтами. У нас вряд ли есть причины приписывать населению, оставшемуся в Дакии после ухода римлян, какую-либо особую волю к сохранению своей национальной идентичности, большую, чем у жителей других окраин империи. Может быть, они были бы даже рады слиться с каким-нибудь сильным варварским народом, но ни у кого из пришельцев не было времени ассимилировать местное население. Понемногу, век за веком, предки румын освоились с ролью самостоятельного народа и приобрели навыки выживания в условиях постоянных миграций и нашествий. К тому же этот формирующийся народ стал магнитом для римского населения южнобалканских провинций, искавшего какого-нибудь пристанища в условиях гибели империи.

Как раз после 300-летнего рубежа романское население ждал наиболее серьезный вызов ассимиляции – нашествие славян, которые были наиболее многочисленными и остались здесь на долгие века. Но дело в том, что славяне пришли далеко не сразу после ухода римлян и встретили народ, уже освоившийся с самостоятельным существованием. Славянские переселенцы в значительной степени ассимилировали романское население – вся надстройка общества, государства и церкви была создана на основе славянской культуры. Однако основная масса простого народа осталась романской. Славянское влияние было очень сильно, но романский народ к тому времени хорошо освоил науку сохранять самобытность, внешне подчиняясь захватчикам.

Таким образом, как не странно это звучит, романский народ на территории нынешней Румынии сохранился именно благодаря ужасному геополитическому положению этих земель. Ни один из варварских народов, встречавших захватчиков в открытом бою, не сумел удержаться на неуютном геополитическом перекрестке. Только потомки подданных Римской империи, прошедшие хорошую науку подчинения, сумели выжить, безропотно покоряясь любым новым пришельцам, стараясь быть незаметными, прижимаясь к земле, как трава под порывом ветра.

Венгры меняют свою судьбу благодаря преобразению Европы

А новая буря не заставила себя долго ждать. Хазарский каганат, который ранее перекрывал кочевым народам путь из глубин Азии в Европу, обеспечивая аварам и болгарам спокойный тыл на востоке, пришел в упадок и уже не был способен сдерживать новые орды, устремлявшиеся через его владения на запад. В конце 9 века в причерноморские степи пришли с далекого востока венгры, но на них уже наседали другое кочевое племя – печенеги. Последнее обстоятельство заставило венгров идти дальше в Европу, и они проделали тот же путь, что гунны и авары. В 894 году венгры разбили болгарскую армию, пытавшуюся предотвратить потерю Болгарией ее румынских владений. В 895 году они, пройдя через карпатские перевалы, вторглись в Трансильванию, покорили местные три славяно-румынских княжества и прибыли в степи Паннонии. Обнаружив, что дальше на запад, во-первых, нет удобных для скотоводства степей, во-вторых, проживают цивилизованные народы, покорение которых является нелегким делом, венгры сделали эти ранее гуннские и аварские земли своей новой родиной.

Большинство венгров поселилось, как уже было сказано, в Паннонии, но заметная часть их вождей расположилась в Трансильвании. Легенда говорит о семи замках, построенных главами венгерских кланов, отчего Трансильванию также часто называли Семиградьем. Венгерские вожди, их приближенные и воины составили новый господствующий класс Трансильвании, бок о бок с которым продолжали существовать и относительно влиятельные румынские сообщества. Вероятно, похожим образом выглядело и правление аваров, другое дело, что новые завоеватели установили свое господство на куда более продолжительный срок, чем предыдущие. Политически Трансильвания была отторгнута от Болгарии, однако православное христианство уже пустило глубокие корни, и нашествие язычников не заставило трансильванских славян и румын отказаться от религиозного союза с народами, жившими на юг от Дуная.

Новая родина венгров представляла собой удобный плацдарм для походов на богатые и цивилизованные страны Европы. Так же как Атила атаковал Римскую империю, а аварский каган Баян – Франкское королевство, венгерские орды обрушились на Германию. Добыча, однако, оказалась нелегкой. Новое государство, созданное народом, недавно приобщившимся к цивилизации после многовековой борьбы с ней, находилось на подъеме. Натиск венгров стал мощным стимулом для укрепления и развития немецкого феодализма вообще и создания сильного военного потенциала в частности. В 955 году первый германский (но назвавшийся римским) император Отто нанес венграм сокрушительное поражение на реке Лех в Баварии, после чего грабить Западную Европу стало затруднительно.

Еще некоторое время продолжались набеги венгров в направлении Балкан. И если слабеющая Болгария не оказывала им достойного отпора, то Византия была грозным противником. В 970 году завоевавшие Болгарию русско-венгерские войска были в свою очередь разбиты византийцами под Аркадиополем. Казалось, что теперь венгерскому народу предстоит подобно другим приходившим в Европу кочевым ордам стигнуть, будучи истребленным в войнах и ассимилированным оседлыми соседями.

Этого не произошло. Венгры решили сделаться одной из европейских наций. Лишившись возможности грабежа, они стали переходить к оседлому образу жизни и более продуктивным, чем кочевое скотоводство, способам ведения хозяйства. В 1000 году венгры приняли католическое христианство, а их вождь Иштван короновался подобно другим королям цивилизованной Европы. Страна получила правильное административное деление, вожди и привилегированные слуги новых королей стали оформлять феодальные права на владение землями и власть над своими венгерскими соплеменниками и покоренными славянами и румынами. На месте

кочевой орды с поразительной быстротой возникло обширное, сильное и относительно стабильное королевство, которому была суждена более долгая и славная история, чем эфемерным империям степных народов.

В нашу задачу не входит детальное выяснение того, почему именно с венграми произошло это чудесное превращение, на которое оказались неспособны другие кочевые народы, вторгавшиеся в Европу до и после них. Одной из причин несомненно была общая обстановка в Европе в то время, когда венгры пришли туда. 10 век стал необыкновенным временем в европейской истории.

Цивилизация, отступавшая и несшая потери со времен начала упадка Римской империи в 3 веке и еще в начале 10 столетия находившаяся в весьма трудном положении по причине натиска венгров и викингов, к завершению 10 века взяла над варварским миром грандиозный, блестящий реванш. Началось с того, что немцы, противостоявшие цивилизованным народам Европы с эпохи Цезаря и до времен Карла Великого, к началу 10 века оправились от понесенных поражений и извлекли из них уроки. В последующие 100 лет они сумели радикально преобразовать свою страну, создав основы общества, построившего в последующие века блестящую цивилизацию. В то же самое время в далекой глубине варварского мира развитие торговли и вторжения викингов в славянские земли положили начало формированию Русского государства, к концу названного столетия раздвинувшего границы цивилизованного мира до Оки и верхней Волги – мест вовсе неведомых древним народам Средиземноморья. Пространство между Германией и Русью недолго оставалось варварским – в середине 10 века жившие на нем славянские племена образовали Польское государство. Тогда же началось приобщение к государственности и христианству народов Северной Европы – вначале датчан, затем шведов и норвежцев. Завершилось это необычайное столетие уже известными событиями в Венгрии, в результате которых государственную организацию получили обширные земли Центральной и Юго-Восточной Европы.

Таким образом, если в 900 году политическая география Европы все еще в какой-то степени была сходна с положением времен Римской империи, когда граница между варварством и цивилизацией проходила по Рейну и Дунаю, к 1000 году этот рубеж переместился на подступы к сибирской тайге и Ледовитому океану. Европейская цивилизация сделала такой громадный бросок вглубь Евразии, о каком Цезарь, Октавиан, Траян или их более поздний подражатель Карл Великий вряд ли смели даже мечтать. Собственное развитие и влияние старых очагов цивилизации перешло некую критическую черту одновременно у многих восточноевропейских народов, так что происшедшее было похоже на чудо, явленное Богом к 1000-летию юбилею христианской веры.

К этой же магической дате завершается формирование основ западной цивилизации. Оставив позади эпоху упадка империи и варварских нашествий, Западная Европа начинает свое восхождение к вершинам могущества, процветания и свободы. На востоке Европы крещение множества народов по-новому формирует границу между восточным и западным христианством (а заодно и ускоряет окончательный разрыв между ними). В большом выигрыше оказывается католицизм – Венгрия, Польша и Скандинавия принимают христианство из Рима и становятся частью западной цивилизации. Но и переживающая свои последние перед началом долгого и необратимого упадка счастливые десятилетия Византия делает достойный ответный ход – дает православное христианство Руси. Хотя восточнославянские народы и не ждут столь же блестящее будущее как Западную Европу, они тоже создадут великую цивилизацию. Россия не даст восточному христианству погибнуть после крушения греческой империи и захвата мусульманами Балкан и станет противовесом западной цивилизации на востоке Европы. А на разделительной линии между католическими и православными странами вспыхнет еще много драматичных конфликтов.

Это изменение облика Европы создает иной контекст и для румынской истории. Если раньше Карпато-дунайские земли были прилегавшим к границе средиземноморской цивилизации краем огромного варварского мира, теперь страна разделилась. Примерно треть румынских земель – Трансильвания – была охвачена большим восточноевропейским скачком к цивилизации. Но две трети – Молдавия и Валахия – остались в варварском мире. По мере того, как венгерские правители и немецкие колонисты (о которых будет сказано дальше) постепенно приобщали Трансильванию к европейской цивилизации, углублялся разрыв и в уровнях развития и в самом характере культуры между румынским северо-западом и двумя более дикими, но, с другой стороны, и более независимыми румынскими областями на юге и востоке – Валахией и Молдавией. Последнее явление оказывало огромное влияние на румынскую историю до 20 века, да и сейчас имеет для Румынии значение.

А вместе с тем, возникло положение, которое представлялось последующим поколениям румын крайне обидным для них парадоксом. Если в начале первого тысячелетия римская Дакия была оплотом цивилизации, окруженным отсталым варварским миром, в начале второго тысячелетия роли поменялись. Когда во многих уголках Европы, которые римляне считали безнадежно дикими, а то и вовсе толком не имели о них представления, провозглашались князья и короли, налаживался регулярный сбор налогов, возводились крепости и писались книги, большая часть Румынии оказалась полуостровом варварского мира, вдающимся вглубь цивилизованной Европы. Геополитический кошмар помог сохраниться древнему населению Карпато-дунайских земель, но он же предопределил его возрастающее отставание от других европейских народов. Румыны, давно привыкшие смотреть снизу вверх на народы жившие на юге, стали приобретать новые комплексы неполноценности, теперь и в отношении стран запада и севера.

Конечная остановка на пути кочевников

Впрочем, при желании можно прибегнуть и к более лестным для румынского народа сравнениям – южную и восточную часть его страны вполне можно рассматривать не только как окраину цивилизованной Европы, но и как продолжение великой евразийской степи. Европейская часть Великой степи приобщилась к цивилизованному миру только в 18 веке, а азиатская и вовсе в 19. На этом фоне создание на окраине Дикого поля двух румынских государств уже в 14 веке представляется весьма быстрым прогрессом.

А сравнение с Диким полем вполне правомерно. После недолгого, но имевшего, как мы видели, весомые последствия болгарского влияния, в течение следующих нескольких веков историю румын определяло движение народов по восточной дороге. Вслед за венграми с востока прибыли печенеги. Центром их владений было Северное Причерноморье, а Карпато-дунайские земли вновь стали буферной зоной, на этот раз между печенегами, венграми и Болгарией. Последнюю вскоре заменила Византия. Разгром Болгарии был, возможно, самым впечатляющим достижением византийских дипломатии и военного искусства. Русские и венгры, которых Византия уговорила напасть на Болгарию, разгромили ее, но, будучи ослаблены войной с болгарами, не смогли противостоять византийской армии, и потерпели поражение в уже упоминавшейся битве под Аркадиополем в 970 году.

Значение этого сражения огромно. Византийской империи удалось после своей победы захватить большую часть Болгарии и окончательно уничтожить это государство в 1018г. Но, лишив независимости одну из новых наций, византийцы решительно ускорили приобщение к христианству и создание государств у двух других – русских и венгров. Византийская империя вновь обрела некогда утерянную Римом дунайскую границу, но почти сразу смогла убедиться, что это владение осталось столь же ненадежным и опасным, как и в прошлые века. Придунайские земли были атакованы приходившими из-за Дуная печенегами, пик набегов которых пришелся на 990 годы.

Эти события происходили частично на территории румын, хотя и без их весомого участия. Что они означали для этого народа – понятно. После недолгого периода греко-славянского просвещения вновь настали темные века. Дикие восточные язычники опустошали румынские земли, заставляли романское и славянское население бросать накопленные достоинства. Придававшей им сил и терпения опорой по-прежнему была христианская вера, теперь получившая привязку к одной из двух вселенских церквей – православной. Ее сохранение стало способом отстаивания румынской идентичности перед лицом кочевников-язычников, а позднее в отношениях с принявшими католичество венграми.

Ситуации первого тысячелетия привычно повторялись в начале второго. Новые пришельцы воспринимали Карпато-дунайские земли как свою периферию, как промежуточную остановку на пути к более заманчивым целям. Основные места расселения печенегов находились в степях Северного Причерноморья, а через Молдавию и Валахию они проходили, чтобы атаковать византийские или венгерские владения. Есть сведения, что валашские отряды иногда присоединялись к печенежским ордам, чтобы пограбить более богатых, чем они сами, братьев-христиан. Вскоре, однако, для печенегов все изменилось – румынские земли приобрели для них, независимо от их собственного желания, куда большее значение. Точно также как печенеги ранее нанесли удар по венграм, новый более могущественный кочевой народ теперь обрушился на них с востока. В шестидесятые годы 11 века половцы разбили печенегов и заставили их покинуть свои места обитания на северных берегах Черного моря. Они двинулись на запад по пути, проложенному гуннами, аварами, болгарами и венграми. Но им повезло меньше, чем предшественникам.

Печенеги опоздали – пришлые и коренные народы создали новые государства, у которых было больше возможностей остановить натиск варваров. С особым злорадством видимо воспринимали несчастья своих бывших обидчиков венгры. Паннонские степи были желанной целью печенегов, но теперь замки и рыцарская армия новой европейской державы – Венгерского королевства – лишали очередную волну степных кочевников возможности повторить путь, пройденный ранее бежавшими от печенегов венграми. В 1068г. они попробовали атаковать тех, кого чуть менее двух веков назад успешно изгнали из причерноморских степей, но потерпели поражение. Границы цивилизации отодвинулись на восток, и Среднедунайская равнина перестала быть конечной остановкой идущих из глубин Евразии степных варваров. Теперь эту роль предстояло играть землям Молдавии и Валахии.

Около двух десятилетий печенеги беспомощно металась по румынским территориям, с востока неумолимо напирала половцы, на северо-западе и на юге они упирались в венгерские и византийские границы. Наконец в 1087 году значительная часть из них ушла на византийские земли. С этого времени упоминания о печенегах исчезают из истории.

А Молдавия с Валахией становятся периферией владений нового объединения кочевых племен – половцев. Они господствовали в степях, наводя ужас и на Русь и на Византию, в течение почти двух веков. Румыния для них служила, прежде всего, перевалочным пунктом на пути к другим странам, часть из них кочевала в этих местах, но наверняка меньшая – густые леса, покрывавшие валахские и молдавские земли, были куда менее удобны для кочевников-скотоводов, чем открытые степи, начинавшиеся на восток от Днестра. Под властью этих не имевших стройной государственной организации варваров румыны могли пользоваться определенной независимостью. К 11 веку относятся первые исторические упоминания о наличии достаточно большого количества румынских долинных княжеств на восточных склонах Карпат – Вранча, Тигечь, Кымпулунг Молдовенеск и другие. В будущем этим мелким объединениям общин предстояло стать основой нового государства, что же касается могущественных половцев, то их ждала куда более печальная судьба.

В 13 веке Великая степь нанесла свой самый знаменитый удар по цивилизованным странам. Объединенные Чингисханом монголы сплотили силы кочевых народов восточной части евразийских степей и покорили многие азиатские страны, а в 1237г. один из наследников Чингиса хан Бату повел монголов на Европу. Время могущества и самого существования половецкого народа подошло к концу. В 1237 – 1241 годах он подвергся жестокому разгрому, и судьба кочевников повторилась. Теперь половцы были вынуждены искать спасения на западе. Они устремились в Венгрию, а также и в румынские земли, либо подвластные венграм, либо являвшиеся периферией их империи.

Правда, был момент, когда казалось, что от этого нашествия уйти нельзя. Уничтожив в 1240 году некогда могущественный центр русских земель Киев, весной 1241 года монгольская армия вторглась в Венгрию. Основные силы нанесли удар через Северные Карпаты в районе Мукачево в направлении Среднедунайской равнины, три вспомогательных отряда прошли через Молдавию в Трансильванию. Страна отчаянно сопротивлялась, но была разгромлена и разграблена. Но не захвачена. Весной 1242 года монголы, дойдя до берегов Адриатического моря, повернули обратно то ли потому, что хан Бату хотел принять участие в решении судьбы престола великого хана после смерти прежнего правителя империи Угедэя, то ли поскольку бесконечные войны с множеством народов все-таки подорвали силы непобедимых завоевателей.

Возвращаясь в степи, монголы прошли, скорее всего, через земли Валахии и южной Молдавии. Возвращение было достаточно спокойным и ничем не примечательным. Румыны давно знали, как правильно встречать очередную орду неодолимых и беспощадных захватчиков. Весной 1242 года они, спрятавшись в тихих долинах и непроходимых лесах, осторожно наблю-

дали оттуда, как по большим дорогам их страны устало тянется в родные степи армия одних из самых великих в истории человечества завоевателей.

Монголы могли хорошо воевать, но, как и все их кочевые предшественники, были слишком дикими, чтобы уметь создавать постоянную администрацию на захваченных землях. А венгры после отхода армии Бату быстро восстановили структуры своего государства и общества. Добровольно платить дань монголам Венгрия не стала, а до того, чтобы предпринять новый поход на запад, руки у правителей степной империи дошли очень не скоро, когда для них уже был подготовлен достойный отпор.

Здесь самое время вернуться к половцам. Те, кто выжил во времена монгольского завоевания, устремились искать спасения там же, где предыдущие кочевые народы – на Среднедунайской равнине. Часть из них достигла этих мест, но быстро восстановившееся после монгольского разгрома Венгерское королевство не предоставило им там свободы действий. В течение нескольких десятилетий они имели большое влияние при дворе венгерских королей, пытавшихся использовать их для укрепления центральной власти, но в 1280 году были разгромлены в войне с союзом венгерских магнатов. После этого половецкие оплоты сохраняются только на румынских землях, частью которых половецкие вожди завладевают на правах либо венгерских, либо монгольских (татарских) вассалов. Но постепенно они рассеиваются в этих краях, растворяясь среди живущих здесь народов. Венгрия и на этот раз оказалась неодолимой преградой. Для половцев румынские земли тоже стали конечной остановкой в их долгом пути из глубин Евразии на запад.

Даже, несмотря на то, что теперь румыны жили в окружении народов, ведших свою письменную историю, сами они и народы Великой степи, с которыми они в первую очередь имели дело, оставались варварами и писать не умели. В Венгрии писать могли тоже очень немногие, так что их хватало только на описание основных событий, а не того, что происходило на дальних окраинах. Поэтому наши сведения о том, куда девались дошедшие до конечного румынского пункта своего пути печенеги и половцы весьма скудны. Тюркский след, который может быть либо печенежским, либо половецким, либо более поздним турецким (что все же менее вероятно, поскольку османские турки не жили на румынских землях), прослеживается в географических названиях, до некоторой степени в языке, совсем немного в именах. Он невелик – на несколько порядков меньше и романского и славянского лингвистического наследия.

И тем не менее. Несмотря на всю жестокость степных войн, два достаточно многочисленных народа не могли полностью погибнуть. Печенеги ушли в Византию, половцы – в Венгрию. Но если бы народы ушли целиком, они, скорее всего не распались бы, или распались не так быстро, еще поборовшись перед тем за свое существование. Однако их следы теряются очень вскоре. Скорее всего, ушли не все, а те, кто принадлежал к верхушке общества, или просто самые энергичные, отчаянные и предприимчивые. У них было больше шансов устроиться в армиях короля или императора и обрести в результате новую родину. Те, кто преуспел в этом, влились в ряды приютивших их народов.

Остались более бедные и слабые, которым было трудно или страшно идти дальше. Их путь был проторен представителями многих народов, ранее постигнутых слишком тяжелыми ударами судьбы или просто уставших странствовать – в укромные леса и долины, где их ждали жившие там уже давно румыны. Некогда грозные владыки степей пополнили ряды тихого и неприметного народа. Так что потомков степных кочевников среди румын видимо тоже немало. Может быть, не намного меньше, чем тех, кто ведет свое происхождение от римских колонистов или славянских племен. А слабость лингвистического и культурного наследия печенегов и половцев может быть доказательством зрелости и достаточно высокого уровня культуры романо-славянского народа, проявившего на этот раз значительную способность к ассимиляции новых пришельцев. Подтверждением достигнутого местным населением

уровня развития стало и то начало строительства цивилизации на южных и восточных румынских землях, свидетелями которого мы вскоре будем.

Несмотря на вероятность вышеописанного разделения в среде печенегов и половцев, пришельцы были людьми более воинственными и решительными, чем тихий горный и лесной народ. Часть из них захватила власть над объединениями местного населения. Это явно не было столь масштабным явлением, как славянское завоевание, но влило свежую кровь в жилы господствующего класса и, в конечном счете, стало одной из причин формирования румынских государств.

Помимо этого внутреннего обстоятельства, складывалась и благоприятная для румын геополитическая ситуация. Политическая принадлежность Валахии и Молдавии к Великой степи, возраставшая по мере печенежских и половецких завоеваний и миграций, достигла апогея после включения этих земель в состав созданной татарами Золотой Орды. С этого момента восточная дорога вторжений надолго перестала представлять опасность. Монгольское нашествие истощило силы Великой степи. Расположившийся на нижней Волге мощный военнополитический центр Золотой Орды перекрывал дорогу возможным новым азиатским претендентам на европейские завоевания и переселения. Эти обстоятельства способствовали созданию перерыва в геополитическом кошмаре, дававшего румынам шанс, наконец, начать возвращение к цивилизации. Подобный тому, что был во времена господства хазар на нижней Волге, который население Карпато-дунайских земель, только что прошедшее через потрясения 6 – 7 веков, тогда не было готово использовать.

Правда, татары не только обеспечивали безопасность восточной дороги, но и сами контролировали большую часть Молдавии и Валахии. Но эта проблема оказалась решаемой. Многие современники восхищались тем порядком и единообразным управлением, которые царили на пространстве от Карпат до Тихого океана при ближайших преемниках Чингисхана. Однако это достижение оказалось эфемерным. Никакой устойчивой политической системы, вроде римской или китайской бюрократии, или европейского олигархического строя (в упрощенном виде перенятого венграми), степные варвары так и не создали.

Через несколько десятилетий после завершения завоеваний великая империя распалась на отдельные части, которые в свою очередь утрачивают контроль над периферией. В применении к румынским землям такой окраиной была западная часть Валахии. Если прилегавшая к населенным татарами степям Молдавия долго находилась под эффективным контролем Золотой Орды, то на южных склонах Карпат, в долинах Олта и Арджеша татары не жили, а управлять на расстоянии они не умели. Там в пограничной зоне между Золотой Ордой и Венгрией пестрая смесь романо-славянских и половецких вождей смогла воспользоваться наличием небольшой передышки между вторжениями варваров и империй и приступить к созданию первого долговечного румынского государства.

Дальняя окраина Западной Европы

Неизменной чертой положения в Трансильвании с момента венгерского вторжения в конце 9 века и до аграрной реформы 1921г. стало наличие венгерского господствующего класса, оказывавшего решающее влияние на исторические судьбы страны. Господство венгерской аристократии часто, но отнюдь не всегда было равнозначно вхождению Трансильвании в состав венгерского государства.

Так, именно в этих обособленных от Паннонской равнины землях их правители, венгерские вожди Дьюла и Айтонь, оказали наиболее сильное сопротивление проводимой королем Иштваном политике создания единого государства и христианизации. После одержанной в первые годы 11 века победы над ними Трансильвания из территории венгерского племенного союза превратилось в провинцию королевства, а деятельность господствующей нации по удержанию и укреплению своего контроля приобрела организованный и последовательный характер. Благодаря этому венгры не утратили власть подобно гуннам и аварам, но освоение ими Трансильвании было долгим и трудным процессом, занявшим много веков. Он продвигался рука об руку с расширением и консолидацией господства венгров, а, следовательно, чем дальше шло вперед экономическое и политическое развитие края, тем острее сталкивались интересы господствующего и подчиненного народов.

Основы власти венгерской аристократии над румынским крестьянством были заложены во время первого завоевания, когда венгерские вожди обосновались в своих семи глинобитных замках и начали собирать дань с местных пастухов и земледельцев. При Иштване замки перешли под контроль государства, а их количество начало увеличиваться.

Но в 11 и 12 веках механизмы господства венгерской нации-сословия еще не вполне сформировались. В начале названного периода большая часть крестьян оставалась независимыми. Во многих местах, отдаленных от венгерских замков, румыны сохраняли свои маленькие центры власти и жили почти не замечая венгерского господства. Это положение отразилось в гордом звании «князь», которое носили сельские старосты румынских деревень. Даже в тех областях, где власть венгерской аристократии сделалась безраздельной, этот титул еще несколько столетий напоминал о былом более благоприятном положении румынского населения. Последнее упоминание о румынском сельском князе в Трансильвании относится к 1827г.

Но активная военная и административная деятельность королей Иштвана в начале 11 века, Ласло и Кальмана на рубеже 11 и 12 веков, Белы в конце того же столетия, несомненно, способствовала увеличению численности военного и служилого сословия. Шел процесс пожалования владений старой аристократии и сделавшим карьеру воинам и чиновникам короля, так что крестьяне лишались контроля над своими землями, а значит и экономической независимости.

Вопрос о цене вхождения в ряды правящего класса был жестко поставлен перед румынами в 1361г., когда был принят закон, согласно которому к числу венгерских аристократов могли принадлежать только последователи католической церкви. Теперь православные румынские хозяева трансильванских владений должны были выбирать между сменой своих убеждений, переходом на положение простых крестьян или уходом на земли за Карпатами. Некоторые румыны избрали первый путь, но смена веры все же была слишком трудным решением, так что новых католиков было меньшинство, и они быстро растворились в рядах господствующей нации.

С принятием христианства появилось и духовное сословие. Румынам как православным путь в ряды католического духовенства был закрыт, но, тем не менее, они должны были его содержать. Венгерские законы обязали православное население королевства платить десятину католическим приходам, на территории которых оно жило. Выполнив это обязательство, пра-

вославы были вольны скидываться на строительство церквей и содержание священников собственной веры. И они это делали, неся на своих плечах тяжесть финансирования сразу двух крупнейших христианских конфессий.

К исходу 13 века определились три региона, где румыны удержали сильные позиции, не допуская полного контроля со стороны венгерской элиты, хотя и не имея собственного развитого правящего класса. Это были периферийные области, непосредственно примыкавшие к давнему убежищу румынского народа – Карпатам – и располагавшиеся на флангах горной дуги. На юго-западе – плодородные и густонаселенные Фэгэраш и Хацег, расположенные в местах, где некогда находился центр дакийского государства и римской провинции, и возможно на протяжении всех темных веков сохранялись наиболее значительные оплоты романского населения. На северо-востоке – один из самых глухих углов Венгерского королевства, на который завоеватели в течение долгого времени не обращали внимания – малонаселенная, гористая и покрытая дремучими лесами область Марамуреш. Третий регион – достаточно обширная горная страна Западных Карпат, непосредственно прилегавшая к важным венгерским оплотам – Коложвару и Дьюлафехервару.

В начале 13 столетия Венгрия, подойдя к рубежу, за которым дальнейшее существование примитивной патриархальной монархии стало невозможным, сделала окончательный выбор в пользу европейского пути развития, основанного на частной собственности, сословном делении и олигархическом правлении. В царствование короля Эндре (1205 – 1235гг.) большая часть земель была роздана в частную собственность дворянству, что было решением более радикальным, чем наиболее распространенная в Европе практика условных пожалований. В 1222г. дворянское собрание, которое можно рассматривать как прообраз парламента, утвердило Золотую буллу – первую конституцию страны, заложившую основы дворянской свободы и равенства между представителями привилегированного сословия (что опять же было более демократично по сравнению с тогдашней западноевропейской феодальной иерархией).

За этим последовало монгольское нашествие 1241г., когда центральная власть на некоторое время перестала существовать, но государство было быстро и эффективно воссоздано усилиями венгерской аристократии. Это был период, когда доходы от недавно полученных в собственность земельных владений активно использовались для увеличения военного потенциала господствующего сословия – улучшалось вооружение, активно строились замки, теперь уже не глинобитные, а каменные. Военная мощь страны была восстановлена, но усилиям не столько государства, сколько частных землевладельцев. Получилось так, что на удар восточных варваров венгры ответили более решительным продвижением по западному пути развития.

Быстро перенятые венграми основы европейской олигархической системы успешно наложилось на еще не умершую в их обществе варварскую военную демократию, создав продержавшуюся многие века политическую структуру, основанную на дворянской свободе и дворянском всевластии в отношении других слоев общества. Она обладала поистине уникальной способностью с отчаянным упорством противостоять любой попытке установить деспотический режим, но эффективно противодействовала эмансипации и развитию тех слоев общества, которые не были приобщены к политическим правам дворянства.

Правители новой империи осознавали, что венгерский правящий класс в Трансильвании слишком малочислен, чтобы чувствовать себя уверенно, и приглашали на ее земли переселенцев, которые должны были развивать экономику этих полудиких краев и служить дополнительной опорой государства.

В 13 веке приглашались для укрепления карпатской границы и европейские рыцарские ордена, соорудившие замки, налагавшие повинности на местное население и безуспешно пытавшиеся обратить его из православного христианства в католическое. Правда, они пробыли в Трансильвании недолго и не оставили большого следа в ее истории.

Из оставшихся надолго первыми были секеи. Точнее, до конца не известно, были ли они призваны на поселение в Трансильванию первыми венгерскими королями, или осели здесь во времена венгерского переселения, не пойдя дальше на Среднедунайскую равнину. Секеи во многом являются венгерским аналогом русских казаков – воинственные и свободолюбивые люди, которым государство согласилось не навязывать власть чиновников и зависимость от помещиков, но взамен держало их на своих отдаленных и опасных границах. Отличает секеев от казаков их происхождение – если вторые обособились как социальная группа, то первые как этническое сообщество. По разным версиям это либо одно из венгерских племен, отличия которого с течением времени стерлись в меньшей степени, чем у остальных, либо часть венгров, наиболее сильно смешавшаяся с потомками хазар и других исчезнувших кочевых народов.

В 10 или 11 веке секеи осели на крайнем юго-восточном выступе венгерской границы, внутри большого изгиба Карпат, в самой середине румынских земель. В этих глухих и отдаленных от центра Венгрии местах они веками жили как свободные земледельцы и воины, организованные в собственные общины, подчинявшиеся только напрямую королям и не несшие повинностей в пользу дворянства. Румыны в секейских землях составляли лишь незначительное меньшинство, поэтому структура их населения оказалась простой и однородной как в классовом, так и в этническом отношении.

Венгерские короли вынесли из европейского опыта заключение, что наличие городов повышает уровень развития и богатство страны, поэтому отсутствие крупных поселений в Венгрии огорчало их. Однако ожидать от венгров, только что освоивших земледелие, еще и быстрого создания городской культуры было явно преждевременно. Поэтому, начиная с 12 века, венгерские власти с целью основания городов приглашают в страну переселенцев из Западной Европы, в основном из немецкой Саксонии, отчего колонисты стали называться саксами.

Наибольшие усилия в этом направлении были предприняты во второй половине 13 столетия, когда страна восстанавливала свое население после монгольского нашествия. Значительная часть саксонских поселений была основана в Трансильвании, где переселенцы получили ряд областей на юге и в центре, а также округ на северо-востоке. На важных торговых путях и стратегических позициях на подступах к Валахии расположились их города Кронштадт (нынешний Брашов), Германштадт (Сибиу), у границы с Молдавией был создан город Бистрица, в центре Трансильвании возник ряд поселений помельче. Беря пример с саксов, венгры также постепенно превращали в настоящие города Коложвар (Клуж), Дьюлафехервар (Алба-Юлия) и другие свои трансильванские оплоты.

Благодаря секеям и саксам социальная структура Трансильвании обрела заметные отличия от общевенгерской, здесь получили развитие как олигархические, так и по настоящему демократические порядки. Мелкие и средние сообщества саксов и секеев управлялись собраниями всех или наиболее зажиточных граждан, эффективно утверждавшими власть закона, гарантии личной свободы и неприкосновенности собственности для членов сообщества. Такая система позволила им обеспечить высокую степень внутренней сплоченности, так что автономные города и области продержались долгие века, успешно противостоя множеству бедствий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.